

КЭТРИН КИНГСЛИ

Ярчайшая мечта

ШАРМ

Паскаль

Кэтрин Кингсли
Ярчайшая мечта

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кингсли К.

Ярчайшая мечта / К. Кингсли — «АСТ», 1994 — (Паскаль)

ISBN 978-5-17-094823-9

Когда обожаемая невеста Андре де Сен-Симона трагически погибла, молодой археолог решил навсегда забыть о любви и семье, полностью посвятив себя науке. Однако юная Али – дочь погибшего в Турции английского ученого, спасенная Андре от голодной смерти, – придерживается совсем иного мнения. Она с первого взгляда страстно полюбила своего мужественного спасителя и намерена сделать все возможное и невозможное, чтобы добиться от него взаимности и доказать ему, что пришла пора быть счастливым вновь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094823-9

© Кингсли К., 1994
© АСТ, 1994

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Кэтрин Кингсли

Ярчайшая мечта

Но Руфь сказала:

Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом.

Ветхий Завет, Книга Руфь, 1:16

© Julia Jay Kendall, 1994

© Перевод. И. П. Родин, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

*Сентябрь 1854 года
Сен-Симон, Франция*

– Андре! Андре, Жо-Жан, подождите меня! – Голос Женестьева взлетел над лугом, и Андре, резко остановившись, обернулся.

– Женестьева! – замахал он рукой. – Догоняй! Мы с Жо-Жаном идем к Алену Ласкарду посмотреть, как он вскроет омшаник.

Она помчалась к ним – прекрасная Женестьева; ее длинные белокурые волосы развевались за спиной, в уголках губ таилась улыбка, а на гладких, словно фарфоровых, щеках загорелся румянец. При виде ее у Андре радостно забилося сердце. Без нее мира вокруг не существовало, она была для него всем.

– У тебя рано закончились занятия. – Запыхавшись, Женестьева остановилась рядом с ними. – Я примчалась в замок, а месье Дюмон сказал, что вы уже ушли.

– Извини, – улыбнулся Андре. – Мы сегодня намучились с латынью, поэтому старик Дюмон отпустил нас на волю. Мне надо было зайти за тобой в деревню, но ты ведь знаешь, что твоя мать не отпустила бы тебя со мной. Теперь я уже достаточно взрослый, чтобы считать меня... опасным, – добавил он, немного смутившись.

– О, ты у нас, конечно, жуть, какой опасный, – заметил Джозеф-Жан. – Прямо как муха...

Андре нахмурился и проворчал:

– Из-за того, что ты на год старше, ты считаешь, что можешь...

Женестьева ткнула кулаком в плечо Джозеф-Жана.

– Эй, прекратите! Вы оба! А то опять будете кататься по земле. Ты, конечно, на год старше, но Андре больше и сильнее. А будешь издеваться над ним, получишь! – Она усмехнулась.

Джозеф-Жан с улыбкой дернул кузена за прядь волос.

– Андре воспринимает жизнь чересчур серьезно. И время от времени требуется, чтобы кто-нибудь над ним посмеялся. Ладно, хватит болтать. Пойдемте лучше посмотрим, не ужалила ли пчела месье Ласкарда.

– Не будь таким противным! – воскликнула Женестьева. – Бедный месье Ласкард всегда распухает от пчелиных укусов. И зачем он их разводит?..

Андре взял ее за руку.

– Ему это нравится. А пчела... Если даже пчела укусит, отец его вылечит. Папа может вылечить любую болезнь, – добавил он с гордостью; не у всех сыновей были отцы, умевшие творить чудеса.

– Вправил бы он мозги моей матери... – пробормотала Женестьева, переплетая пальцы с пальцами Андре. – Она говорит, что я провожу с тобой слишком много времени.

– Дождись, пока мы не поженимся. – Он поднял к губам их сцепленные руки и поцеловал ее в тонкое запястье. – Тогда ты все время сможешь проводить со мной, и она не скажет ни слова против.

Женестьева нахмурилась.

– Не знаю, Андре... Ей известно, что я люблю тебя больше всего на свете, но она все равно говорит, что ты не для меня. Ведь я всего лишь простая деревенская девчонка.

– Чушь! – Джозеф-Жан сжал ее плечо. – То, что Андре – сын герцога, не может быть помехой для настоящей любви.

– Вот именно! – подхватил Андре. – Такое бывает только раз в жизни. И нам с тобой, Женестьева, повезло – ведь мы нашли друг друга совсем молодыми...

Джозеф-Жан закатил глаза.

– Вижу, я тут лишний. Пойду-ка вперед. Нет никакого смысла торчать рядом с парочкой влюбленных, которые с глупым видом таращатся друг на друга. – Уходя, он помахал им блокнотом для рисования, который всегда был при нем.

– Давай-давай!.. – усмехнулся ему вслед Андре. – Через минуту мы тебя нагоним. – Он повернулся к Женестьеве и положил руки на ее хрупкие плечи. – Не надо так тревожиться, милая. У нас еще есть время, чтобы уговорить твою мать. Я еще на три года останусь здесь и продолжу учебу, а потом уеду в университет. Так что у нас с тобой семь лет на то, чтобы заставить ее понять, что ты для меня – самая лучшая жена.

Он поднял голову и посмотрел на замок, возвышавшийся на горе, и на сбегавшие по склонам виноградники, вдоль рядов которых сустились работники, уже готовившиеся снимать урожай, как они делали это все последние пятнадцать лет – после того, как отец вернулся в свое поместье и оживил его.

О, как же Андре любил Сен-Симон! Это место стало его плотью и кровью, стало такой же неотъемлемой частью его существа, как Женестьева. Андре не мог дожидаться того дня, когда с учебой будет покончено и он сможет работать вместе с отцом, помогая ему вести дела в поместье. И, конечно же, их с Женестьевой ждало безоблачное будущее.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

– Иногда я не могу поверить себе, насколько мне повезло. Это просто благословение какое-то!.. У меня есть ты, есть прекрасные родители и есть Жо-Жан – лучший на свете друг! Что еще человеку нужно?

– А я иногда думаю, что ты витаешь в облаках, – сказала Женестьева. – Ты забываешь о реальной жизни, Андре. Как ты думаешь, что скажут тебе родители, когда узнают о твоём желании жениться на мне?

– Они обрадуются, – уверенно заявил юноша.

– Думаю, ты неправ, – со вздохом пробормотала Женестьева. – Возможно, они уже подыскивали тебе какую-нибудь невесту с такой же голубой кровью, как у тебя.

– Мои... родители? Неужели мы говорим об одних и тех же людях? Да они ни о чем подобном не думают – запомни это хорошенько. – Андре усмехнулся. – Ты только взгляни на них... Я никогда не видел людей, которые так любили бы друг друга. Неужели ты думаешь, что они не пожелают и мне такого счастья?

Женестьева обвила руками шею любимого и прижалась щекой к его груди.

– Андре, будь благоразумным. Ведь ты уже – английский маркиз. И настанет день, станешь герцогом в той стране. Станешь хозяином многочисленных поместий, и для тебя будет важным – продлить свой род.

– Ты хочешь сказать, что я не смогу продлить род вместе с тобой? – Андре взял ее лицо в ладони. – Женестьева, я тебя люблю, и никакое герцогство не может быть для меня важнее этого. – Он пристально посмотрел в глаза девушке и добавил: – Любимая, ты – моя душа и мое сердце. Поэтому, пожалуйста, не позволяй своей матери засорять твою голову чепухой.

– Но ведь тебе – только четырнадцать. Ты еще слишком молод, чтобы принимать такие важные решения, – сказала Женестьева.

– Милая, не глупи! Я прекрасно все понимаю. – Андре провел большим пальцем по щеке возлюбленной. – Поверь, я никогда никого не полюблю, кроме тебя.

– Ах, Андре, ты ведь знаешь, я испытываю к тебе то же самое... – Женестьева подняла на него глаза; они были того же цвета, что и васильки, и глаза эти были полны любви, совершенно изменившей жизнь обоим этим летом. От одного лишь взгляда на нее сердце Андре начинало неистово колотиться.

– Ну... тогда ладно. – Он поцеловал ее в губы, затрепетавшие от поцелуя. – Вот видишь?... – продолжал Андре внезапно охрипшим голосом – голова у него кружилась. – Господь не подарил бы нам такой любви, если бы не был уверен, что мы состаримся вместе.

– О, Андре... Может, ты и прав. Может, все так и получится.

– Конечно, все так и будет. Если бы я мог, то подарил бы тебе луну и звезды, но думаю, ты удовлетворишься лишь парочкой герцогств. А теперь... Прочь все печали! Свежий мед ждет нас! – Он чуть ли не потащил ее в сторону пасеки.

Откуда ему было знать, что через семь лет Женестье уже не будет в живых, а весь его мир разлетится на мелкие осколки; порвав с Богом, он повернется спиной к родителям и к Франции и поклянется, что никогда туда не вернется.

Глава 1

Март 1864 года

Константинополь, Турция

Джозеф-Жан быстро шагал по главному базару Стамбула в поисках Андре; ему, наконец, удалось получить от паши *фирман* – документ, который послужит им паспортом на следующие восемь месяцев пребывания в Турции (хотя об этом путешествии он с самого начала и не думал, учитывая настроение Андре).

– Пропустите, пропустите... – то и дело приговаривал Джозеф-Жан, обходя базарных торговцев, пронзительно вопивших и размахивавших руками. Один из них едва не сбил с него шляпу своим подносом с лепешками – торговец нес поднос на голове (и тут же пришлось увернуться от мальчишки, мчавшегося мимо с серебряным подносом, уставленным стаканами с чаем).

Джозеф-Жан невольно вздохнул, от этой какофонии голова у него шла кругом. Группки женщин, закутанные в покрывала, отчаянно торговались в проходах; мужчины же, скрестив ноги, сидели с кальянами на ковриках перед своими лавками, и многие из них о чем-то спорили. И важно шествовали ослы, проходившие сквозь толпу крикливых людей с красными фесками и тюрбанами на головах... Всего этого было достаточно, чтобы сбить с толку любого человека.

Джозеф-Жан осмотрелся и снова вздохнул. Нигде не видно Андре. Хотя тот наверняка должен был отправиться сюда, чтобы закупить провизию. Джозеф-Жан ненадолго задумался... Потом развернулся и, покинув базар, направился в хаммам – турецкую баню.

Уже через несколько минут, завернутый в простыню, Джозеф-Жан вслед за банщиком-турком вошел в просторный зал с куполообразным потолком. Свет серебристыми полосами падал из узких окошек, расположенных под самым потолком, и с трудом пробивал плотную стену пара, едва освещая банный зал.

Ну, а Андре... Да-да, конечно, он был здесь! Лежал на приподнятой над полом мраморной плите, а турок с роскошными усами, «прикрывавший» наготу узкой набедренной повязкой, тер жесткой рукавицей спину Андре.

– Я так и думал, что найду тебя здесь, – объявил Джозеф-Жан. – Хорошая мысль, если учесть, что нас ждет впереди. – Он начал с того, что вымылся в одной из каменных лоханей, стоявших возле стены. Потом опустился в облако пара и принялся ждать своей очереди, чтобы его помассировали.

– Так как же? Что-нибудь удалось? – спросил Андре.

– Я получил его, – ответил Джозеф-Жан. – Паша в конце концов сделал то, что полагалось. Мы можем выехать с первыми петухами. Я позаботился о драгомане – переводчике. Лошади уже готовы.

Андре хмыкнул и пробормотал:

– Да, уж пора бы... Это, наверное, набор серебряных тарелок сыграл свою роль?

– Было множество поклонов и расшаркиваний, сопровождавшихся, как мне показалось, исключительно комплиментарными выражениями. Но никакого намека на бакшиш, то есть взятку.

– А я, знаешь ли, люблю давать взятки, – пробормотал Андре. Немного помолчав, добавил: – А теперь, Жо-Жан, заткнись и не мешай мне получать удовольствие. Ведь там, куда мы направляемся, бани не будет...

Джозеф-Жан усмехнулся и, подперев кулаком щеку, глубоко задумался. Увы, с Андре все было по-прежнему, и это очень беспокоило Джозеф-Жана. После смерти Женевьевы про-

шло уже три года, но для Андре так ничего и не изменилось. Наоборот, с течением времени он еще больше замкнулся в себе. И он не отказался ни от одного из тех кошмарных обвинений, которые выдвинул против собственного отца в ту ужасную ночь. А потом вообще перестал упоминать об отце и о Женевьеве. Остался в Сен-Симоне только для похорон, а затем сразу отправился в Константинополь, забрав с собой Джозеф-Жана.

Раз в год они на короткое время возвращались в Англию – в Лондоне у Андре был свой дом. Он не ездил с визитами к своим крестным, графу и графине Рейвен, с которыми когда-то был очень близок. Не ездил и к деду – герцогу Монкриффу, с которым у него никогда не было близости, но от которого он должен был унаследовать титул, земли и состояние. Андре общался лишь с учеными, преимущественно – с историками и археологами, – и передавал результаты своей работы попечителям Британского музея, финансировавшим его экспедиции, после чего снова уезжал.

Складывалось впечатление, что радость жизни покинула его в тот момент, когда не стало Женевьевы. И после этого он с головой ушел в работу, в которой, однако же, добился поразительных успехов. Люди стали называть его «черный маркиз» – и не только из-за цвета волос и манеры одеваться, но и оттого, что он никогда не улыбался.

Когда-то веселый и улыбчивый, Андре превратился в холодного человека без эмоций. Разумеется, он скрывал свои чувства, скрывал свою боль, но понимал это только Джозеф-Жан. Однако даже он не знал, как долго это будет длиться.

Апрель 1864 года

Горы Крагус, Турция

– Хочу сполоснуться перед ужином. – Андре отложил журнал для ежедневных записей и потянулся. День был долгим и холодным, тем не менее он решил окунуться в ледяной горный поток.

Андре понимал, что ему следовало привыкнуть ко всем трудностям, связанным с жизнью под открытым небом, – вот только тело отказывалось привыкать к холоду. Однако он был полон решимости преодолеть себя, так как знал: дисциплина – единственное, что помогало выжить. Правда, у него не было времени задуматься о том, зачем ему выживать...

– Можешь не торопиться, – отозвался Джозеф-Жан. – Сегодняшний ужин будет ничем не лучше вчерашнего. Все та же старая козлятина. – Он помешал ложкой варево и снова закрыл котел крышкой.

Андре с отвращением взглянул на котел.

– Господи, как же мне надоела эта бурда!

– Если бы десять дней назад ты пинками не выставил Хамида за дверь, мы с тобой не переживали бы из-за этого. Ты думаешь, что разбираешься во всем лучше других, так как прошел через всю Малую Азию. Это странно, Андре. Мы действительно не можем обойтись без драгомана.

– Я больше не мог выдерживать его нытье, – проворчал Андре. – Он вел себя так, словно ни разу не переходил через горы.

– Мне кажется, так оно и было. И никто через них не переходил. Эта тропа опасна и для людей, и для животных...

– Не думаю, что это обстоятельство давало ему право обзывать меня сумасшедшим и высокомерным дьяволом. – Андре покопался в своем вещевом мешке в поисках мыла и полотенца. Конечно, ему следовало бы признать правоту Жо-Жана. Но он, как обычно, не был готов расписаться в собственной глупости (Жо-Жан и так уже отчитал его за то, что вместе с Хамидом они лишились дополнительного ствола).

– Знаешь, я не сомневаюсь, что главная причина его ухода – это появление львов, – усмехнулся Жо-Жан. – Скажу тебе откровенно: я бы на его месте тоже сбежал бы.

– Но ты, по крайней мере, не обмочил штанов. В отличие от нашего друга... О черт! Куда запропастилось это проклятое мыло?!

Джозеф-Жан взглянул на кузена. Пожав плечами, пробормотал:

– Понятия не имею. Но я тоже не всегда нахожу под рукой то, что мне требуется.

Андре со вздохом отвернулся. Васильковые глаза друга до боли напоминали ему глаза Женевьевы. С ним часто такое случалось; выражение лица Жо-Жана или какой-нибудь его жест – все это с острой болью вызывало в памяти образ Женевьевы. Ему иногда хотелось, чтобы Жо-Жан выглядел как-нибудь по-другому – только бы не видеть этих белокурых волос, этих голубых глаз и этой широкой улыбки, то есть всего того, что напоминало о ней. Но что тут поделать? Возможно, со временем это пройдет. А пока он жил с постоянным ощущением боли.

Продолжая шарить в мешке в поисках мыла, Андре пробормотал:

– Видишь ли, я рассчитываю описать развалины Ксанфоса к ноябрю. – Он наконец-то нашел мыло. – Надеюсь, что Чарлз Феллоуз облегчит мне работу. Хотя мне глубоко чужд его наукообразный подход. Ведь он выдергивает артефакты из их естественного окружения. А вот Фредерик Лейси...

– Вот именно – Фредерик Лейси, – перебил Жо-Жан, явно намекая на неожиданное исчезновение Лейси в Анатолии двенадцать лет назад. – И это – главная причина, по которой нам необходим проводник. Знаешь ли, мне совсем не хочется рисковать.

– И ты думаешь, что этот идиот Хамид защитил бы нас от разбойников? – спросил Андре. – Скорее всего, он бы заверещал от страха и бросился в другую сторону, предоставив нас самим себе. – Он повесил полотенце на шею. – Приготовь пока чаю, ладно? Я скоро вернусь.

Спустившись к горному потоку, Андре снял куртку, затем сорочку и плеснул себе водой в лицо, затем – на грудь, невольно содрогнувшись при этом. Вода была невыносимо холодной; ручей стекал напрямик с покрытой ледником вершины горы.

И тут ему в затылок словно вонзились тысячи иголок – возникло отчетливое ощущение, что кто-то наблюдает за ним. Андре медленно выпрямился и осмотрелся. Вроде бы ничего подозрительного. Только редкий лес да поляна, на которой виднелась их палатка.

Решив, что стал жертвой игры воображения, Андре опять наклонился над ручьем, чтобы закончить мучительное омовение. Потом вытерся насухо, быстро оделся и поспешил назад к огню.

– Уже? – удивился Джозеф-Жан, разливавший по кружкам черный чай. Одну из кружек он сунул в трясущиеся от холода руки Андре, с усмешкой заметив: – У тебя нос синий, мой дорогой друг.

– Ужасно замерз, – буркнул Андре. Он осторожно отхлебнул из кружки и едва заметно улыбнулся, наслаждаясь согревающим эффектом чая. – Лучше бы помылся в тазу. Но ничего, через неделю мы уже будем в Ксанфосе.

– Вот там будет теплее, чем в преисподней, – ухмыльнулся Жо-Жан. – А пока – садись. Жаркое готово. – Он разложил еду по тарелкам и нарезал хлеб.

Андре воткнул вилку в козлятину, поднес к носу и поморщился.

– О господи, запах отвратительный! – воскликнул он. – Повар из тебя никудышный.

– Я тебя предупреждал... – Джозеф-Жан с трудом проглотил кусок мяса. – Господи, чего бы я только не отдал за слугу, который может сносно готовить! Обещай, что обязательно наймешь кого-нибудь, как только мы выйдем к цивилизации.

– Клянусь жизнью, – заявил Андре. – Но только не такого, как Хамид. Да, кстати... – Он отложил вилку и, выпрямившись, оглядел поляну. – Тебе не кажется, что этот кретин пошел за нами следом?

– Через перевал? Ты в своем уме? Ведь он же что есть мочи поскакал прямо в противоположном направлении. С чего ты решил, что он... – Жо-Жан умолк и потянулся за пистолетом.

– Ну, я просто подумал... Впрочем, не важно. – Андре пожал плечами и добавил: – У меня возникло странное ощущение, что за нами следят. Но мы ведь не сталкивались ни с какими признаками цивилизации уже несколько дней, верно?

– Что до меня, то я жду не дождусь, когда мы хоть с кем-нибудь столкнемся. – Джозеф-Жан сунул пистолет обратно в кобуру. – Здесь ужасно холодно, а еда... – Он вздохнул и поморщился.

– Вот именно... – кивнул Андре. Он швырнул кусок хлеба в кусты и отодвинул от себя тарелку с козлятиной, к которой почти не притронулся. – Знаешь, мне такая еда в горло не лезет.

– Шутишь, наверное. Ладно, продолжай работу. А я пока все вымою. – Жо-Жан собрал тарелки и отправился с ними к ручью.

Андре занялся рукописью, но никак не мог отделаться от ощущения, что за ним следят. Внезапно он заметил краем глаза какое-то движение. А затем отчетливо увидел, как из кустов на краю поляны – там были сложены мешки с неразобранными вещами – протянулась маленькая смуглая рука. Не на шутку разозлившись – такая откровенная попытка воровства! – Андре поднялся и, стараясь не шуметь, зашел с другой стороны кустов. Он сумел увидеть лишь тощий зад в мешковатых шальварах и тонкие маленькие ноги в поношенных сандалиях.

Андре наклонился и схватился одной рукой за шальвары, а второй – за ворот мальчишеской рубашки. Еще секунда – и он вздернул воришку в воздух.

– И как это, по-твоему, называется? – спросил Андре на турецком.

Мальчишка глухо вскрикнул и отчаянно замолотил в воздухе руками и ногами. Андре бросил его на землю, и тот со всего размаху сел на задницу, резко выдохнув при ударе. В испуге глядя на Андре широко раскрытыми глазами, мальчишка закричал:

– Господин, я не хотел сделать ничего плохого!

– Да?... А зачем тебе понадобился мой мешок?

– Нет-нет, мне не нужен ваш мешок! Я собирался подобрать то, что вы выкинули. – Он встал; его тщедушное тельце все тряслось.

Андре посмотрел туда, куда мальчишка указывал пальцем. Там, в дальнем конце зарослей кустарника, лежал большой ломоть хлеба, который он выбросил перед этим.

– Я не вор, – заявил мальчишка, вскинув подбородок. – Я подумал, что вы его не хотите.

Андре оглядел мальчугана с головы до ног. Одежда на нем была поношенной, и он производил впечатление сильно истощавшего. Темные глаза казались огромными на овальном лице с изящными чертами, а черные волосы были неровно подстрижены.

– Как тебя зовут? – спросил Андре сурово.

– Али, эфенди¹.

– Из какой ты деревни?

– У нас все умерли. От чумы.

Джозеф-Жан, услышавший шум, уже бежал вверх по склону с пистолетом наготове. Мальчик бросил на него полный тревоги взгляд и с мольбой протянул к нему руки.

¹ Господин.

– Убери пистолет, – приказал Андре. – Он безобиден. Это просто изголодавшийся ребенок.

Али сглотнул с облегчением, увидев, что Джозеф-Жан опустил оружие.

– Что ты делаешь один в горах? – спросил Андре. – Разве тебе не известно, что здесь опасно?

– Я иду с равнины Дембре, эфенди. Мне нужно попасть в Измир.

Андре в изумлении уставился на мальчишку.

– Ты *пешком* шел от Дембре?

– Да. А как же иначе? У меня ведь нет ни осла, ни лошади. Но я сначала шел через долины.

– Боже милостивый... – пробормотал Андре, удивляясь, что мальчишке удалось выжить на таком пути.

– Пожалуйста, эфенди, можно мне взять тот хлеб? Очень хочется есть... – сказал Али; его шатнуло от слабости.

Андре вздохнул и, подхватив ребенка на руки, бросил на Джозеф-Жана взгляд, полный смирения.

– И за что мне это? – Снова вздохнув, он понес Али к огню. – Почему такое всегда случается именно со мной? Принеси кувшин с водой, Жо-Жан, и запасное одеяло.

Андре ощупал лоб мальчика, чтобы узнать, есть ли у него жар, и с облегчением обнаружил, что нет; ему совершенно не хотелось контактировать с чумными. Окунув обрывок полотна в воду, он протер им лицо Али, а затем завернул мальчика в одеяло, которое подал Джозеф-Жан.

– Проклятье! Что же нам делать с этим истощенным ребенком? – спросил он у кузена. – Мы ведь не можем бросить его здесь, когда завтра свернем лагерь, верно?

– Конечно, не можем, – откликнулся Джозеф-Жан. – Заберем его с собой, и пусть он побудет при нас, пока мы не доберемся по крайней мере до Минары.

– Мне совершенно не хочется выступать в качестве сиделки при оборванце-турчонке, – с досадой заявил Андре.

– Понятное дело. Но я сомневаюсь, что он долго протянет в таких жутких условиях, если предоставить его самому себе, – заметил Джозеф-Жан.

– А как, по-твоему, мы должны поступить с ним, когда прибудем в Минару?

– Возможно, найдем какую-нибудь семью, которая возьмет его к себе.

Андре с сомнением покачал головой и пробормотал:

– Ладно, что-нибудь придумаем. Он настрадался от голода и холода и сильно истощен. Может, и до Минары не доживет...

Джозеф-Жан кивнул и тихо ответил:

– Знаешь, а ты, оказывается, не такой бессердечный, каким хочешь казаться. Можешь привести его в чувство и покормить?

– Мне что, тряхнуть мальчишку так, чтобы у него мозги выскочили? Кстати, эта похлебка прикончит его окончательно. – Андре провел ладонью по волосам, пытаясь припомнить, какие лекарства имелись в его мешке. – Мне кажется, он сам придет в себя в свое время. А сейчас ему важнее согреться и выспаться.

Андре внимательно посмотрел на тщедушного ребенка, на смуглом лице которого проступила бледность. Мальчишка не казался настолько сильным, чтобы идти пешком – не говоря уж о том, чтобы проделать такой долгий путь.

– Удивительно... – пробормотал он. – Должно быть, что-то очень серьезное заставило его преодолеть долгую дорогу от Дембре и перевалить через горы.

– Может, настойчивое желание?

– Может быть. Хотя... Возможно, его рассказ – сплошная выдумка. Возможно, он охотился за нашей поклажей. В любом случае нам придется быть начеку все это время. – Андре переложил Али поближе к костру. – Сегодня ему лучше полежать у тепла. Я за ним присмотрю, а ты ложись спать.

– Уверен?.. – пробормотал Джозеф-Жан, не скрывая удивления.

– Да, уверен, – в раздражении ответил Андре. – Не беспокойся, я не зажарю его на завтрак. Может, я и бессердечный, но во мне еще осталось некоторое чувство приличия.

– Я и не думал намекать на...

– Спокойной ночи, Жо-Жан.

– Ну... как скажешь. Спокойной ночи.

Час спустя Джозеф-Жан приподнял полог у входа в палатку и выглянул наружу. Андре все так же сидел у костра с пледом на плечах. Сидел, глядя на мальчугана. Отсветы огня плясали на его лице, и сейчас он очень походил на своего отца.

«Позаботься о моем сыне, Джозеф-Жан, – вспомнились ему слова герцога. – Оставайся с ним по крайней мере до той поры, пока он не выздоровеет».

– Я присмотрю за ним, – прошептал Джозеф-Жан, – и буду оставаться с ним, пока он нуждается во мне.

Ох, если бы только Женестьева выкарабкалась тогда из болезни! Если бы только в те несколько последних месяцев ее здоровье улучшилось, а не наоборот... Андре ведь ничего не знал, находясь в своем Оксфорде и совершенствуясь в науках. А если бы он находился в комнате в те последние мгновения, когда герцог, тихо приговаривая, гладил лоб Женестьева... О, тогда бы ему многое стало понятно.

«Вот и все, бедняжка, – прошептал герцог. – Смотри, Женестьева, ангелы стоят, ожидая тебя. Видишь? Доверься им. Пусть они перенесут тебя в объятия Господа».

При последнем вздохе Женестьева произнесла имя Андре. А он не услышал этого, потому что приехал часом позже.

Джозеф-Жан крепко зажмурился. Последовавшую затем сцену было невыносимо вспоминать. Андре походил тогда на смертельно раненное животное – набрасывался на любого, кто приближался к нему. Но жаркий гнев прорывался только вначале. А потом им овладел смертельный холод...

Джозеф-Жан открыл глаза. Андре по-прежнему не отводил взгляда от мальчишки. Судя по всему, ему так не удастся вылечить самого себя, хотя он и перенял от отца искусство врачевания. Детство он провел рядом с отцом, наблюдая, как тот лечил всех больных – и живших по соседству, и приезжавших издалека. Если кто-нибудь и мог помочь маленькому Али, так это Андре. Но будет удивительно, если он все-таки попытается заняться мальчуганом.

А впрочем... Сегодня у Андре был такой вид, будто древняя история перестала его интересовать. А вдруг турчонок-оборванец окажется тем самым худом, которое не бывает без добра? Что, если Андре вдруг воскреснет для жизни? О, тогда он, Джозеф-Жан, будет безмерно счастлив. И он сделает все возможное – только бы увидеть, как кузен повернется лицом к будущему.

Джозеф-Жан засветил лампу и принялся за письмо тем людям, чьи имена Андре отказывался даже упоминать. А потом, читая молитвы на ночь, он добавил еще одну – за жизнь мальчика. Хватит с них смертей!

Глава 2

Али заворочалась во сне и вздохнула, полная счастья. Просыпаться ужасно не хотелось. Во сне было тепло и безопасно. Никто не гнался за ней и не подкарауливал в темноте, чтобы убить. Уже давно ей не снились такие приятные сны... А еще во сне потрескивал огонь... и доносился запах пищи.

Кто-то дотронулся до ее щеки. В какой-то момент она с ужасом подумала, что ей так и не удалось сбежать из деревни дяди и что Хаджи отдаст ее в руки туркоманов. Али чуть не закричала, но, в ужасе открыв глаза, тотчас же все вспомнила.

Над ней наклонился тот самый чужеземец – высокий эфенди с черными волосами и странными серо-зелеными глазами. И он протягивал ей чашку.

– Пей, – сказал он. И голос у него был довольно низкий.

Али попыталась приподняться, но ничего не вышло – голова закружилась. Но тут чужеземец подхватил ее, обняв за плечи, и повторил:

– Пей. Это сладкий чай с целебными травами. Тебе станет легче.

Али подчинилась и с удовольствием плотнула горячего питья. А потом вдруг сообразила, что она закутана в плед и что впервые за несколько недель ей было тепло.

Она захлопала глазами, удивляясь такому чуду. Должно быть, эфенди перенес ее к огню и укрыл пледом.

«Хвала Аллаху! – подумала Али. – Он прислал эфенди, чтобы спасти меня. А может, и нет...»

– Я умираю? – тихо спросила она, испытывая какое-то странное ощущение. Что, если Аллах прислал эфенди не для того, чтобы спасти ей жизнь, а для того, чтобы похоронить ее тело? Ведь такое тоже могло быть...

– Нет, я думаю, кризис миновал, – ответил чужеземец. – У тебя упадок сил, но ты выздоровеешь. Сейчас тебе нужен отдых, а также питание. Когда последний раз тебе удалось поесть?

– Много дней назад. – Али опять легла. – Спасибо вам, эфенди, – решила она добавить.

– За что? – спросил он, накладывая в миску еду из котла.

Али подумала, что странно задавать такой вопрос – ведь он старался вылечить ее.

– За то, что спасли меня. За то, что вы такой добрый.

Чужеземец пристально посмотрел на нее и с усмешкой сказал:

– Ты не представляешь, сколько людей подняли бы тебя на смех, если бы услышали твои слова. – Он вернулся к ней, опустился на колени и помог ей сесть, прижимая к себе. – Сейчас попытайся съесть вот это.

Чужеземец окунул кусок хлеба в подливку и протянул ей. Схватив хлеб, Али сунула его в рот и принялась торопливо жевать.

– Медленнее, – сказал он. – Иначе навредишь себе.

Али кивнула и, дожевывая, проглотила хлеб. А он налил ей еще одну чашку чая и поддерживал ее, пока она пила. Потом дал еще немного пропитанного подливкой хлеба. Али поразились тому, что доест его у нее не хватило сил.

– А теперь спать, – приказал чужеземец.

Через секунду Али заснула.

Два следующих дня она, помимо еды, только этим и занималась. Да еще время от времени, шатаясь из стороны в сторону, тащилась в кусты, чтобы облегчиться, и точно таким же неверным шагом возвращалась и снова засыпала. И она ничуть не сомневалась в том, что чужеземец все это время находился поблизости. Иногда, не просыпаясь окончательно, а

скорее в полудреме, она наблюдала за ним. «Хандрей» – так называл его другой. Довольно странное имя, но ей понравилось звучание, когда она попыталась произнести его.

И он очень любил что-то записывать в своей книжке, склонив черноволосую голову и полностью сосредоточившись. Ей нравилась изящная линия его лепных скул над бородой, а также нравился взгляд, когда он в задумчивости прищуривал свои необычно светлые глаза, глядя куда-то в пространство.

И еще ей нравилось смотреть, как он двигался – его сильное тело казалось на удивление гибким. Когда же он дотрагивался до нее, то действовал с необычайной осторожностью. Она не знала, что мужчины, оказывается, могли быть такими ласковыми... А еще было очень приятно, когда он салфеткой протирал ей лицо и руки – словно считал ее маленьким ребенком.

Ей доводилось слышать много кошмарных рассказов о чужеземцах и об их странных обычаях. Хаджи рассказывал, что они занимались разными безбожными делами. Но дядя и сам не являлся образцом добродетели, так что, возможно, все его рассказы были неправдой. Ее чужеземец – добрый человек, она в этом ничуть не сомневалась.

К вечеру третьего дня Али стало намного лучше. В первый раз за минувшую неделю она проснулась с ясной головой. И, приподнявшись, осмотрелась. Чужестранцев поблизости не оказалось, и она, спустившись к ручью, как следует вымылась, наслаждаясь тем, что больше не испытывает слабости.

Вернувшись в лагерь, Али задумалась. Настало время оценить ситуацию, потому что теперь она совершенно точно знала, что выживет. Али опустила на колени и устремила взгляд в небо, как делала всегда, когда советовалась со Всевышним.

– О, Аллах Всемогуший! – Она наклонилась, коснувшись лбом земли, а потом опять подняла глаза к небу. – По своей божественной мудрости Ты отправил меня к Хандрею, чтобы я не умерла. Ты не стал бы сохранять мою ничтожную жизнь, если бы у Тебя не было на это особой причины. Я должна служить Хандрею, ведь так?

Аллах не откликнулся, но Али на это и не рассчитывала.

– Да, – ответила она за Него. – Я готова посвятить себя служению Хандрею, вот только есть одна сложность. Он принимает меня за мальчишку из-за моей одежды. Но Ты ведь сам сказал мне, что я должна переодеться таким образом, чтобы избежать еще больших опасностей...

Али еще раз обдумала свое положение, потом пробормотала:

– Если я скажу Хандрею правду, после того, как он столько возился со мной, ему наверняка это очень не понравится. Ему захочется нанизать мою голову на пику, а тело бросить на растерзание львам. Он не захочет, чтобы какая-то девчонка прислуживала ему, разве не так?

Вот именно! Высокий и сильный эфенди был настоящим правителем, в этом не было сомнения. Вероятно, он был пашой в своей стране. Здесь он тоже мог бы стать пашой, потому что говорил на прекрасном турецком. Произношение у него было отчетливым и мелодичным – не то что у ее сородичей с их гортанными голосами и кашей во рту.

– Поэтому я пока не могу в этом ему признаться, – со вздохом прошептала Али. – Разве я могу это себе позволить, всемилостивый Аллах? Однако будет трудно скрывать правду...

Али снова задумалась. Было ясно, что долго скрывать правду не получится. Следовало лишь протянуть до того момента, когда она станет незаменимой. И это произойдет очень скоро, если, конечно, именно такую судьбу ей назначил Аллах.

Но была еще одна проблема... Как же ей просветить Хандрея? Ведь чужеземцы – неверные, и Аллах, вне всякого сомнения, желал его обращения.

– Итак, я подчиняюсь, – сказала Али с удовлетворением. – Я подчинюсь любому Твоему желанию. – Она опять коснулась земли лбом, потом выпрямилась, радуясь новой пер-

спективе – несомненно более привлекательной, чем та, которая маячила перед ней еще четыре дня назад.

А теперь следовало стать незаменимой. Али осмотрелась. Ага, вот и котелок для еды! Хандрей кормил ее чем-то таким... После того как она утолила первый голод, эта еда показала ей просто отвратительной.

Али сняла крышку с котелка и окунула палец в остатки соуса. Попробовав, скривилась и воскликнула:

– О, Аллах, я действительно нужна ему!

Из кучи мешков она выбрала один и заглянула в него. Там оказались книги. Она открыла следующий. Мыло, щетки, банные принадлежности... Зато в третьем было именно то, что она искала.

– Али! Как тебе кажется, чем ты занимаешься?

Она резко обернулась и увидела, что оба эфенди стояли у нее за спиной.

– Я?... Я ничего... – пролепетала Али.

– Вижу, тебе стало лучше, – сказал Андре. – И вот таким способом ты решил выразить свою благодарность – воровством? – Он скрестил руки на груди.

– Нет, эфенди! – в испуге воскликнула Али. – Я уже говорил, что я не вор. Я ищу пряности. Вы готовите... просто ужасно. – Она вытащила из мешка пакет с пряностями.

– Звучит весьма правдоподобно, – сказал тот, кого звали Жожан.

Он нравился Али. Жожан был высокого роста, но сложен не так крепко, как Хандрей. Глаза же его смотрели с теплотой, и от этого становилось спокойнее. Али была уверена, что Жожан не станет ее убивать. А вот насчет Хандрея такой уверенности не было, особенно в данный момент.

– Я говорю правду, – прошептала она. – Зачем мне обманывать? Вы спасли мне жизнь, и теперь я хочу помочь вам. Да и зачем мне красть приправы, если у меня нет еды, в которую их можно добавить?

Андре кивнул и пробормотал:

– Ладно, Али, я тебе верю. Хотя нельзя рыться в вещах, которые тебе не принадлежат. Лучше бы ты еще отдохнул.

– Мне стало намного лучше, – сказала Али. – Поэтому я и решил, что надо приготовить что-нибудь вкусное.

– Прошу. – Андре указал на котелок. – Если сумеешь, буду очень тебе обязан.

Али тут же занялась приправами, мысленно воздавая хвалу Аллаху за то, что помог ей так быстро добиться своего. А уж готовила-то она отменно! Даже Хаджи, который ненавидел ее, признавал это.

– Потрясающе, Али! – Андре был поражен, попробовав первый кусок. – Как тебе это удалось? Жо-Жан, ты только попробуй!

Джозеф-Жан, который с опаской заглядывал ему в тарелку, сначала понюхал кусочек мяса, затем нацепил его на вилку, после чего осторожно отправил в рот.

– О, замечательно! – воскликнул он, с удивлением глядя на Али.

– Да нет, – ответила она, – всего лишь сносно. Ничего хорошего не может получиться из того, что начали делать плохо.

Андре рассматривал содержимое своей тарелки и мысленно удивлялся: «Как же мальчишка смог превратить нечто совершенно несъедобное в аппетитное блюдо?»

– Как тебе это удалось? – спросил он.

– Я воспользовался пряностями из мешка и добавил еще немного изюма, миндаля и сухих фруктов. Но все-таки... Получилось не совсем то, что могло бы.

– Немедленно найми мальчонку, – потребовал Джозеф-Жан. – Я больше в рот не возьму то, что мы готовим.

Андре с досадой посмотрел на кузена.

– Он еще не в том состоянии, чтобы нагружать его работой.

– Я чувствую себя очень хорошо, – поспешно встала Али. – Кроме того... У вас ведь нет ни проводника, ни повара, ни носильщика. А я за еду смогу все это делать один.

– Думаю, не сможешь. – Андре решительно не понравилась эта идея. – Мы путешествуем налегке и поэтому не нуждаемся в твоих услугах. Я собираюсь довезти тебя до Минары, а оттуда можешь идти своей дорогой.

– Я ем очень немного... – настаивала Али.

Андре покачал головой.

– Съедай хоть целого барана за день, это не важно. У меня очень много работы, Али, и поэтому совсем нет времени еще и присматривать за ребенком.

– Вы считаете, что должны присматривать за мной? – изумилась Али. – Да ведь это за вами нужен присмотр!

Андре презрительно фыркнул.

– Прошу прощения, но кто из нас кого спас совсем недавно? Один ты не выжил бы, уж поверь мне. – И это была чистейшая правда. Более того, казалось чудом, что мальчишка так быстро оправился.

Али вздохнула и проговорила:

– Что же я мог поделать, если у меня не было ни денег, ни лошади, ни теплой одежды, как у вас. Но я вовсе не беспомощный. – Под напряженным взглядом Андре Али склонила голову и добавила: – Конечно же, я очень благодарен вам, Хандрей-бей. Я прекрасно понимаю, что вы спасли мне жизнь, и теперь она принадлежит вам. Но вы ведь не можете сами хорошо готовить, верно? И не можете заниматься разными мелкими, но важными делами, которые делает слуга.

– Ты все-таки ребенок, – проворчал Андре. – И ты не понимаешь, насколько сурова жизнь, которую мы ведем. – Он повернулся к нему спиной, как бы ставя точку в разговоре.

Но Али с горящими глазами снова стала перед ним и заявила:

– Но ведь я своими ногами прошел долгий путь от самого Дембре, а потом перевалил через горы! Вы что, думаете, мне ничего не известно о суровой жизни? – Али махнула рукой в сторону палатки. – Вам-то есть где укрыться, Хандрей-бей, и у вас есть одеяла. А еще есть еда и лошади, чтобы везти вас и ваши вещи. Ваша жизнь – это жизнь богатого человека, не то что моя последние восемь недель. И все равно мне надо о вас позаботиться...

Андре присвистнул и приподнял бровь.

– Говоришь, позаботиться?.. Как же это?

– Очень просто. Я могу прийти в любую деревню, и меня там примут. Большинство людей, здесь живущих, ни разу не видели чужестранцев, будут опасаться вас. Я смогу успокоить их на ваш счет, смогу поторговаться, покупая что-нибудь для вас, и смогу завести нужные знакомства. Но главное – я могу делать все, что делает хороший слуга.

Слово «слуга» прозвучало для Андре весьма заманчиво. Али по его лицу, видимо, понял, что он колебался, и добавил:

– Вы сказали, что будете очень мне обязаны, если вам понравится моя еда. И она вам понравилась, – напомнил Али. – Так что, возьмете свое слово назад?

Андре с удивлением посмотрел на ребенка. Ему еще ни разу не приходилось сталкиваться с такой решимостью, какую продемонстрировало это хрупкое создание. Именно решительностью можно было объяснить тот факт, что мальчишка столь быстро встал на ноги. Кроме того, Андре был заинтригован. В глазах Али светился особый огонек, явно сви-

детельствовавший о незаурядной жизненной силе. Возможно, ради этого огонька – чтобы он не погас, – Андре и решил рискнуть.

– Ладно, хорошо, – сказал он, одновременно думая о том, что, наверное, сошел с ума. – Дам тебе шанс. В дополнение к еде ты получишь еще по два пиастра в неделю. Но если на пути до Минары обманешь мои ожидания, я оставлю тебя там. Если же не обманешь, сможешь проводить нас до Ксанфоса, где найдешь себе новую работу. Ну а если тебе удастся доказать свою абсолютную незаменимость... Тогда я, возможно, оставлю тебя при себе. – Андре снова скрестил на груди руки и добавил: – Но предупреждаю, что такое едва ли случится. Это как если бы... Как если бы ты вдруг уселся пить чай с королевой Англии.

Андре развернулся, собираясь уйти, но Али бросилась перед ним на колени и, схватив за руку, пылко поцеловала ее.

– Спасибо, Хандрей-бей. Благодарю вас! Пусть Аллах благословит вас и ваших детей, а также детей ваших детей.

– Весьма признателен тебе за проявление чувств, но это совершенно излишне, – проворчал Андре.

Али подняла голову. Ее угольно-черные ресницы затрепетали, и она в замешательстве пробормотала:

– Вы не нуждаетесь в благословении?

– Не нуждаюсь. Более того, у меня нет детей, так что в благословении нет смысла. Я не женат.

– О, простите меня! – воскликнула Али. – Но как же так? У мужчины вашего возраста нет ни жены, ни детей?..

– Я еще не выжил из ума, – сухо ответил Андре.

– Наверное, нет. Но все равно... Вам ведь уже много лет, а у вас нет жены... Хотя жена могла бы делать очень многое вместо вас.

Андре пристально посмотрел на мальчишку и пробурчал:

– Мне кажется, что без женщин жить намного проще. – Он высвободил свою руку. – Скажи, Али, не мог бы ты встать? Из тебя не получится хорошего слуги, если ты каждый раз будешь падать передо мной на колени. И мое имя – Бейнзбери. Хотя... – Он решил не усложнять ситуацию. – Зови меня Андре. Просто Андре.

Али с готовностью вскочила.

– Как пожелаете, Хандрей. Но вам нельзя так богохульствовать. Аллах не любит этого. Андре прищурился и тихо проговорил:

– Аллах может это любить или не любить, но если ты на какое-то время собираешься стать моим слугой, то постарайся держать Аллаха при себе.

Али со вздохом покачала головой.

– Аллаха невозможно держать при себе. Он принадлежит всем. Но вам, как неверному, такие вещи, должно быть, трудно уяснить.

Неверному?! О господи, с кем он связался?! А впрочем... Стоило ли спорить из-за этого? Али хорошо готовил, так что до Минары по крайней мере с едой у них не будет проблем.

– Полагаю, пора ложиться спать, – объявил Андре, выбросив из головы этот спор и всю ситуацию целиком. – Что ж, если ты согласился стать моим слугой, можешь подчистить остатки еды. – Резко развернувшись, он зашагал к палатке, надеясь, что тем самым восстановил порядок в их с кузеном жизни – порядок, явно пошатнувшийся с появлением этого назойливого ребенка.

Устроившись на матрасе под лампой, чтобы немного почитать перед сном, Андре вдруг сообразил, что неотступно думает о выражении какой-то необычайной чистоты в чер-

ных широко раскрытых глазах мальчишки. Причем чистота эта сочеталась с негибимой волей...

Вздыхнув, он откинулся на подушку. Чистота! Как мало ее осталось в этом мире! Хорошо бы Али сохранял ее в себе как можно дольше.

Была какая-то злая шутка в том, что мальчишка добровольно согласился на такую работу. Однако он спас жизнь Али не для того, чтобы спустить ее в выгребную яму. Он посмотрит, что можно будет сделать и как помочь мальчишке, когда они доберутся до первой же деревни.

Отложив книгу, Андре загасил лампу, повернулся на бок и натянул на себя одеяло. Господи, как же он ненавидел ночи с их нескончаемой борьбой с бессонницей и с постоянным напоминанием о том, что для него теперь все потеряно. Он ужасно устал от этих бесконечных сражений! И от того, что каждый новый день означал возврат все к тому же... К вселенской усталости.

Андре со вздохом закрыл глаза. Он, конечно, не впал в маразм, но чувствовал себя столетним стариком. А может, проще было бы упросить Жо-Жана, чтобы пустил ему пулю в лоб? Тогда все проблемы разрешились бы сами собой.

Али быстро приновилась к ежедневному распорядку дня – сборке лагеря ранним утром, а потом, в течение целого дня, переезду на новое место. Это очень походило на выезды из деревни на горные пастбища, которые устраивали раз в год, хотя для нее было привычнее ездить в составе большого каравана, чем маленькой группкой.

Когда они спустились с высокогорья, природа вокруг поменялась – растительность стала богаче, благоухали пихты, и повсюду цвели цветы. Кроме того, в обилии появились бекасы, ржанки и перепела, которых Жожан стрелял, а Али с удовольствием готовила вместе с травами и зеленью, которую находила под ногами.

Ей нравилось, что оба эфенди с удовольствием ели все, что она готовила, и еще больше нравились их похвалы. То есть хвалил-то еду лишь один Жожан. Хандрей был менее откровенным, но ее не обманешь. Али прекрасно видела, с каким удовольствием он съедал все до последнего кусочка.

С каждым днем она чувствовала себя сильнее, но ее новый хозяин вел себя довольно странно – не позволял ей самой таскать тяжелые сучья и грузить пожитки на осла.

– Может, на следующей неделе, – сказал Хандрей, когда она попыталась возразить (он и в самом деле мог быть несносным).

В очередной раз усевшись на осла, Али невольно вздохнула; ее тощие ягодицы постоянно ныли от езды верхом, и она очень надеялась, что остановка последует довольно скоро.

Через какое-то время, словно прочитав ее мысли, Хандрей остановил своего коня и достал из кармана компас (Али никак не могла поверить, что кусочек металла под стеклом знал, как определить нужное направление, но он пока еще ни разу не ошибся).

– Расположимся здесь, – скомандовал Андре. – Там, чуть ниже, течет река, где будем набирать воду, а палатки установим на склоне.

Когда разбили лагерь, Али пошла вниз, чтобы наполнить кувшины. По дороге к реке она наткнулась на апельсиновую рощу и, после короткого раздумья, сорвала несколько незрелых плодов. Ей показалось, что поблизости не было никого, кто бы смог осудить ее за это.

– Посмотрите, Хандрей. – Из подола рубашки она вывалила апельсины на землю, когда вернулась на место стоянки. – Вечером я приготовлю их. Там есть еще и несколько лимонных деревьев. По-моему, до Минары осталось совсем немного. И я даже заметил кое-где следы коз...

– Мы сейчас в двух или в трех милях от Минары, – заявил Андре, устраиваясь за письменным столиком. – Так что завтра мы сможем пополнить свой провиант. Ты только подумай, Али... Свежее молоко, сливочное масло, яйца, мясо – то есть все, чего душа пожелает! Вот где ты развернешься со своими поварскими талантами.

– Тогда я смогу приготовить каймак. Это такой сыр, – сказала Али, мечтательно улыбнувшись.

– Значит, сыр?... – пробормотал Андре, перелистывая записи, сделанные прошлым вечером возле гробниц.

– Да-да, сыр! И его очень просто приготовить. Для этого требуется только свежее коровье молоко, которое нужно варить на медленном огне, а потом оставить на ночь прокиснуть. Утром же следует слить сыворотку – и сыр готов.

Андре внимательно посмотрел на своего слугу.

– Удивительно, сколько всего ты знаешь, Али...

– О, я знаю несравнимо меньше вас, – ответила она с серьезнейшим видом. – Вы умеете читать, писать и прекрасно говорите на двух языках.

– Вообще-то – на шести, – в задумчивости пробормотал Андре, потрогав кончик пера. Али уставилась на него в изумлении.

– На шести? Их так много?... А на каких именно вы говорите?

– Что? – Андре поднял голову от бумаг.

– Эти языки – как они называются?

– А... ты об этом? Ну, давай посчитаем... Французский, английский, итальянский. А также греческий, арабский и турецкий, естественно. – Он отвинтил крышку на чернильнице. – Да, еще классический греческий и латынь, но на них никто не говорит.

Али вздохнула.

– Я один раз слышал, как говорят по-арабски. Когда имам в Дембре созывал людей на молитву. Как вам удалось выучить так много языков?

– Я с самого детства знал два из них, а остальные выучил в университете. – Андре поморщился и пробормотал: – Али, тебе необходимо болтать... так много?

– Да, конечно. А как же еще я могу узнать обо всем? Скажите, на каком языке вы говорите с Жожаном? – У Али дух захватывало при мысли о том, что на свете существовало столько языков и ее хозяин мог говорить на всех!

– На французском. – Андре снова раскрыл записную книжку и нашел последние заметки, сделанные накануне.

– Он так красиво звучит... – заметила Али. – Как музыка... Это ваш родной язык? Где находится это место – французский?

Андре со вздохом ответил:

– Эта страна называется Франция. Она далеко отсюда, в Европе.

– А где находится Европа? За теми горами?

– Нет, намного дальше. Вот, смотри... – Обмакнув перо в чернильницу, Андре вырвал последнюю страницу из записной книжки и быстро начертил схематичную карту.

– Что это?... – пробормотала Али.

– Карта Европы и Малой Азии. – Андре ткнул в рисунок пальцем. – Вот здесь – Турция, над ней – материковая Греция, вот это, как сапог, – Италия, а еще выше – Франция. А вот тут, – он пририсовал остров в самом верху листа, – Великобритания, где я и живу, когда не путешествую.

Али покусала губу.

– Между вашим и моим домом – очень большое расстояние.

– Да, очень большое, – согласился Андре, пытаясь вернуться к своему занятию.

– А зачем вы приехали в нашу страну, Хандрей?

– Потому что тут интересно, – ответил тот, не поднимая головы. – Мне нравится изучать древности.

– Как те гробницы, вырубленные в скале, которые мы осматривали вчера? Вы сделали так много записей...

– Да, как те гробницы и древний город под скалой.

– А как он назывался? – спросила Али, положив локти на стол.

В конце концов Андре захлопнул записную книжку и полностью сосредоточил свое внимание на собеседнике.

– Лувийцы – был такой древний народ, который жил в этих местах в незапамятные времена, – а назывался их город Пинара. А потом мы переедем в Ксанфос, который выстроил тот же самый народ, и там сохранилось еще больше древностей.

– Лувийцы... – произнесла Али, как бы пробуя на языке звучание этого слова. – Они были тюрками?

– Нет, они жили здесь задолго до того, как сюда пришли тюрки. Они были... – Андре нахмурился. – Али, если ты будешь хорошим слугой, а сейчас уйдешь прочь и дашь мне возможность поработать, то я расскажу тебе все о лувийцах в другой раз.

– Правда расскажете?! – обрадовалась Али. – О, спасибо, Хандрей. Я люблю разные истории обо всем. И мне нравится учиться, – помолчав, добавила она. – О, только подумать! Вы можете многому меня научить!.. – Али радостно улыбнулась, потом вдруг спросила: – Вам ведь тоже нравится учить, да?

– Ты просто невозможен, Али. – Андре сунул ей в руки листок бумаги. – Вот, сохрани его. И изучай.

– Это мне? Сохранить его? О, Хандрей, спасибо! – Али прижала листок к груди.

Андре засмеялся.

– Пожалуйста-пожалуйста. А теперь иди отсюда и не мешай мне работать. – Он посмотрел на Али, помчавшегося прочь. При этом мальчишка держал перед собой нарисованную от руки «карту» как самую свою большую ценность.

Андре криво усмехнулся. Он всегда старался держаться подальше от детей, потому что те быстро надоедали ему. Но, наверное, какое-то время следовало потратить на Али, чтобы научить его читать и писать. Может, тогда он перестанет докучать ему.

Али лежала на спине, разглядывая звездное небо. Аккуратно сложенную карту она засунула в самую середину своего узелка, ближе к книге с незнакомыми странными письменами – книга когда-то принадлежала ее отцу. Али тяжело вздохнула. На свете существовало так много всего, чему она хотела научиться, а она ведь совершенно ничего не знала даже о том, что находилось за этими горами...

Она шепотом произнесла несколько турецких слов – произнесла так, как их произносил Хандрей своим красивым голосом. Однажды у нее так тоже получится, если она будет упорно практиковаться.

Может, у нее даже получится заговорить по-французски, если она будет хорошенько прислушиваться к нему. Просто надо заставлять Хандрея говорить побольше. А говорил он очень редко – таких немногословных людей Али еще не встречала. Хотя этим вечером ей удалось кое-чего добиться... Более того, прошла уже целая неделя, а она ни разу не вызвала у него раздражения. Даже не получила ни одного подзатыльника. Но она не сомневалась: так, конечно же, долго не продлится.

«И все равно это добрый знак», – подумала Али, повернувшись на бок и подложив под щеку кулак. Хм... интересно, а может, Хандрей любит ее? Ну, хоть совсем немного... Так, как любят собачонку, которую не пинают... Он ведь нарисовал ей карту, которую затем подарил!

Кроме того, он сегодня даже улыбнулся ей. А такого с ним еще ни разу не бывало... У него чудесная улыбка. И очень красивые зубы – ослепительно-белые. Было бы еще прекраснее, если бы улыбка добралась до его глаз...

Али снова перекатилась на спину и взглянула на луну – та только что взошла над вершиной горы, покрытой снегом. Прекрасная, ярко-желтая луна! Али очень любила луну – она то уменьшалась, то увеличивалась, то всходила, то опускалась в зависимости... Наверное, это ни от чего не зависело. Надо бы спросить у Хандрея, повсюду ли луна такая или только в Турции.

Он знал все и обо всем. Хотя... кое-чего Хандрей все-таки не знал. Не знал о том, – а это было совершенно очевидно, – что Аллах прислал ее к нему, чтобы сделать счастливым.

Глава 3

После тяжелого восхождения на южную сторону почти отвесного утеса Андре вернулся усталый и грязный, но довольный. Пещерные захоронения, которые он обследовал вчера, оказались в очень хорошем состоянии, а сегодня ему там попались на глаза несколько исключительно необычных барельефов.

Вернувшись, он чуть не споткнулся об Али, уютно устроившегося под деревом, где они сегодня завтракали. Мальчишка, забыв обо всем на свете, посапывал во сне. «Что ж, ему еще нужно какое-то время, чтобы окончательно выздороветь», – подумал Андре, глядя на мальчика. Ветерок играл его черными прядями, и Андре решил, что мальчишке следовало бы привести волосы в порядок – он был просто ужасно подстрижен. Не мешает ему и новая одежда, которую Андре купил недавно в Минаре. В своих обносках мальчишка выглядел настоящим оборванцем. Но при этом оказался просто незаменимым. И на удивление практичным, несмотря на свой возраст.

Поездка в Минару оказалась исключительно успешной. Причем во время поездки Али представлял его так, что Андре с трудом сохранял невозмутимый вид. «Великий английский паша» – так величал его мальчишка, а Жо-Жан почему-то превратился в агу. Как бы то ни было, они привезли оттуда товаров гораздо больше, чем надеялись, и по удивительно низким ценам.

Да, Али действительно был незаменим.

Андре наклонился над ним и ткнул пальцем в худые ребра.

– Что же ты за слуга такой? Спишь целый день...

– Хандрей! – Али мгновенно открыла глаза. – Вы не разбились?! О, замечательно!

– Почему я должен был разбиться? – Опустившись на корточки, Андре вытащил из рюкзака бутылку с водой.

– Потому что вы безрассудный. – Али приподнялась и села. – Очень опасно забираться на утес по такому склону. Можно было свалиться оттуда...

– Но я же не свалился... – заметил Андре, прикладывая бутылку к губам.

– Да, верно. Только вымазались с ног до головы. Вы посмотрите на свою одежду! Она вся в грязи! И лицо в грязи...

– Ничего страшного. Просто тебе прибавится немного работы. – Андре заткнул бутылку пробкой и убрал ее обратно в рюкзак.

Али просияла.

– Хорошая мысль! Ванна будет в самый раз, чтобы отдохнуть после такого трудного восхождения и чтобы мышцы расслабились.

– Я имел в виду, что надо постирать мою одежду, – пробормотал Андре.

– Да, конечно. Я ее постираю. Но сначала вам нужно принять горячую ванну. А потом я приготовлю вам что-нибудь вкусное из тех продуктов, которые мы купили в деревне. Согласны? Мне хватит времени и на то, и на другое.

– Ну, если ты займешься ванной и оставишь меня в покое... Тогда все отлично. – Андре понял, что он действительно не прочь сполоснуться в теплой воде. – Но где же Жо-Жан?

– Он все еще внизу, в старом городе. Рисует там карандашами. У него получаются очень красивые рисунки, хотя Аллах говорит, что не надлежит...

– Помолчи, Али! – перебил мальчишку Андре.

Али пожала плечами и пробормотала:

– Ну... ладно, хорошо. Но если вы отказываетесь понимать слова Аллаха, то я отказываюсь понимать, почему вы почти все свое время рассматриваете остатки того, что строили люди, которые давным-давно умерли. – Али поморщился и добавил: – А если не рассмат-

риваете, то рисуете их. Как вы можете получать удовольствие от жизни, когда так усердно занимаетесь прошлым, всеми этими пыльными развалинами?

Андре невольно усмехнулся.

– До тебя, очевидно, не доходит, мой юный философ, что таким образом мы можем узнать, как жили и умирали люди много веков назад. К примеру, в Ксанфосе, куда мы сейчас держим путь, женщины и дети когда-то погибли от рук собственных мужей и отцов.

Али в ужасе уставилась на собеседника.

– Нет! – воскликнула она. – Не может такого быть!

– Увы, но было именно так. Чтобы не стать рабами, мужчины Ксанфоса собрали всех тех, кого любили, в акрополе и подожгли его.

У Али комок подкатил к горлу.

– Они сожгли свои семьи? Специально?..

– Да. А потом отправились на битву и погибли все до единого. Более того, они устроили массовое самоубийство. И не один раз, а дважды.

– Как так?.. – в недоумении спросила Али. – Разве они не все сразу погибли?

– Погибли, но не все. Ксанфос восстановили несколько горожан, которые в тот самый момент оказались в отъезде. Но через несколько веков римлянин Брут осадил Ксанфос, чтобы заставить город заплатить увеличенный налог. С помощью этих денег он собирался выиграть сражение в одной из войн. Жители города отказались платить и поступили точно так же, как и в первый раз. Запалили город, побросали жен и детей в огонь, а потом убили друг друга.

Али прослезилась и прошептала:

– Как ужасно...

– Они были по-настоящему свободолюбивыми людьми, – продолжал Андре. – Именно поэтому их так интересно изучать.

– Да, может быть... – Али нахмурилась. – Мне еще нужно поразмыслить над этим. Хотя было бы лучше, если бы вы больше походили на Жожана. Он, по крайней мере, занимается не только тем, что рисует разрушенные дома.

– Так это потому, что у него остается время на что-то другое. А вот мне еще предстоит написать обо всем этом книгу.

– И потом у вас появится время... для чего-то приятного? – с надеждой в голосе спросила Али.

– А потом я начну писать новую книгу.

– Фу! – с отвращением воскликнула Али. – Ведь это – не жизнь. Мои сородичи тоже много работают, но мы знаем, как получить удовольствие от отдыха – от музыки и от танцев. И мы радуемся тому, что Аллах посылает нам. Аллах говорит...

– Али, достаточно! Еще одно слово – и тут же отправишься на все четыре стороны.

– Хорошо, Хандрей. Я пойду назад в лагерь. – Угроза ничуть не испугала Али. – Мне нужно время, чтобы все приготовить. А вы опять не займетесь своими развалинами? Не забудете обо всем?

– Не забуду, – отрезал Андре.

– Обещаете? Я очень боюсь, что вы посчитаете ванну чересчур большим удовольствием для себя.

– Чересчур большим?.. – Андре запустил пальцы в волосы. – Все, иди отсюда, пока я не наказал тебя за дерзость.

Али кивнула и скрылась с глаз.

– Маленький оборвыш, – пробормотал Андре. Усмехнувшись, он отправился к руинам Пинары, чтобы поговорить с Жо-Жаном.

Возвращаясь к палаткам, Али торжествующе улыбалась. Не так-то просто было уговорить ее хозяина согласиться на то, что он не считал необходимым. Так что его согласие искупаться было настоящей победой. Она быстро натаскала воды и нагрела ее. Потом натаскала еще и также нагрела. Жаль, что у нее не было достаточно большой лохани, которая подошла бы к его размерам. Ну, уж какая есть. Ему в любом случае понравится понежиться, и это – самое главное.

Али выбрала очень красивое место, находившееся в середине поляны в апельсиновой роще, в удобной близости от реки. День заканчивался, но все еще было тепло. Гудение пчел и тихое пение пчелоедов в роще создавали музыкальный фон. Сладкий аромат апельсинов смешивался с пряным запахом пихт, что добавляло какую-то чувственную нотку.

Али в очередной раз осмотрелась. Вроде бы все было готово – и полотенца, и ароматическое масло, и мыло. И, конечно же, чистая одежда. А вода нагрелась, так что все было в полном порядке. Побежав обратно в лагерь, она нашла Андре там, где и ожидала увидеть, – за столом с ручкой в руке.

– Хандрей... – Али потянула его за рукав. – Пойдемте.

– Ммм... куда? Ах да... Это проклятое купание... – Он неохотно отложил перо.

– Все работа, работа и работа! – воскликнула Али. – Пойдемте же! Это ведь не убьет вас. Вам наверняка даже понравится. – Схватив Андре за руку, она повела его за собой по тропе.

– Куда ты меня тянешь? Я думал, что просто смою грязь, – пробормотал Андре.

– Увидите. – Али сверкнула улыбкой. – Вам очень понравится.

Когда они вышли на поляну, она отпустила его.

– Все, мы пришли. Тут тихо и спокойно, ведь так? Сядьте вот на этот камень.

Андре подошел к камню, где стояли кувшины с водой, над которыми вился легкий парок.

– Спасибо, Али, – сказал он. – У тебя все, оказывается, продумано. Теперь можешь идти.

– Уйти? О, нет-нет. Раздевайтесь же. Раздевайтесь целиком.

– Это еще зачем? – Андре начал стягивать сапоги.

– Затем, что я вымою вас, – ответила Али, подбоченившись. – Зачем же еще?

– Вымоешь... меня? – Андре посмотрел на нее с удивлением. – Мне кажется, я уже вполне взрослый, чтобы мыться самому. Нет, спасибо, не надо.

– Но какой же я слуга, если не вымою вас. Для великого паши вы слишком мало знаете о хороших слугах, Хандрей. Я родом из маленькой деревни, но даже мне известно, как делаются такие вещи.

Андре промолчал, а Али добавила:

– Давайте-давайте... – Она протянула к нему руку. – Или вы стыдливый? Такой большой – и стесняется?

– Нет, ничуть. – Андре стянул с себя сорочку. – Просто у нас не в обычае сидеть голым посреди рощи. Для этого в наших домах устроены специальные комнаты с ваннами.

– Как глупо... Ведь это же прекрасно – сидеть под открытым небом... и чтобы вас кто-то мыл. – Али наблюдала, как Андре снимал с себя последнюю одежду. Она рассматривала его весьма придирчиво, но была очень довольна тем, что видела.

– Куда ты смотришь? – спросил Андре.

– На вас. Вы большой и сильный. Это хорошо, потому что такой мужчина может много работать, чтобы обеспечивать свою семью и едой, и всем, что нужно.

– Да, именно этим я и собираюсь заниматься, – пробурчал Андре и снова опустился на камень. – А ты? Ты тоже хочешь вырасти большим и сильным? Кстати, сколько тебе лет?

Али зачерпнула ковшом воды из бадьи и полила ему на плечи.

– Не знаю, – ответила она – и не соврала. Она полагала, что ей, наверное, лет четырнадцать или пятнадцать, но точно не знала, сколько ей было тогда, когда Ури нашел ее и принес к себе. Знала только, что была совсем маленькой. На теле у нее уже появились волосы и только-только начала расти грудь, однако же – ничего похожего на то, что происходило с другими девочками из их деревни; все они превращались в женщин к двенадцати годам, но только не она... И девочки беспрестанно издевались над ней из-за этого. А может, потому, что считали ее чужой...

– Ты не знаешь, сколько тебе лет? – удивился Андре. – Как так?..

Али пожала плечами.

– Никто мне ничего об этом не говорил. – Али умолкла и потупилась: ей не хотелось говорить об этом со своим хозяином.

А тот, окинув ее взглядом, проговорил:

– По твоему виду... Хм... можно сказать, что тебе еще расти и расти.

Али молча взяла мыло и, как следует намылив обрывок полотна, принялась круговыми движениями растирать спину Андре. Через минуту-другую пробормотала:

– Да, я надеюсь, что еще вырасту. Очень надоело быть тощим и маленьким.

Намылив плечи хозяина, Али обошла его, чтобы вымыть грудь. Ей было приятно прикасаться к нему и чувствовать под пальцами его налитые силою мышцы и гладкую кожу. И ей очень нравился запах его разогретой плоти. К тому же, как ни удивительно, от него веяло чистотой, хотя он и был неверным...

– А у тебя хорошо получается, – заметил Андре, прикрыв глаза.

– Я же говорил, что из меня выйдет хороший слуга. Я могу делать много всего полезного. Вы еще удивитесь, если надолго задержите меня при себе. – Али опустилась перед хозяином на колени, покрывая мыльной пеной его бедра, а потом – голени и ступни. И с удовольствием услышала, как с его губ сорвался тихий стон.

Она обильно ополоснула Хандрея чистой водой, а потом, взяв полотенце, досуха вытерла.

– Все! Только теперь завернитесь в простыню, чтобы не простудиться, – сказала Али.

Андре посмотрел на нее долгим взглядом и пробормотал:

– Не думай, что можешь обращаться со мной как с инвалидом только потому, что я позволил тебе вымыть меня.

– У меня и в мыслях такого не было, – ответила девушка. – Мои сородичи намного разумнее вас. Помывшись и расслабившись, они какое-то время сидят закутанными, чтобы сохранить тепло. Это полезно для тела. Мне кажется, что вы, великий паша, должны знать об этом.

Али накинула на него простыню, затем взяла миндальное масло, которое купила в деревне.

– А сейчас я немного разотру вас, – заявила она. И начала массаж с шеи.

Андре с готовностью наклонил голову. Потом вдруг спросил:

– А почему ты считаешь меня великим пашой? Я ведь путешествую скромно – так паши не ездят. Да и одет я скромно...

– Но все же вы – великий паша, – заявила Али. – Потому что вы говорите, как паша, держитесь, как паша, и вообще... все время командуете. А если вы прикажете Жожану снести мне голову... О, я не сомневаюсь, он сделает это тотчас же. – Весело улыбнувшись, Али добавила: – Конечно, я надеюсь, что вы не отдадите такой приказ.

– В данный момент у меня нет такого желания, – пробурчал Андре.

– Вот и хорошо! – Али широко улыбнулась. – Так это правда или нет, а, Хандрей?

– То, что я великий паша? Ну... и да, и нет. В Англии меня величают маркизом.

Али закончила массировать его плечи и перешла к рукам.

– А как вы стали маркизом? Вас назначил визирь?

– Нет. У нас нет ни визирей, ни султанов. У нас есть короли и королевы. Давным-давно один из моих родственников получил от короля Англии титул маркиза Бейнзбери. И это – второй титул моего деда. Я пользуюсь им, пока дед не умрет, а потом... Влезу, так сказать, в его сапоги.

– И какие они? – Али тут же представила себе роскошные сапоги из красного сафьяна с загнутыми носами. – И как вы узнали, что они будут вам впору?

– Ну... это просто так говорится. – Андре усмехнулся. – Я имел в виду, что унаследую титул, после чего меня станут называть герцогом Монкриффом.

– О, так много имен!.. – воскликнула Али. – Но тогда почему вас зовут Хандрей, а не одним из тех имен?

– Андре меня называли при рождении, как тебя – Али.

– А... понятно. Значит, правильнее называть вас Хандрей Бенсбери.

– Ну... не совсем так. – Андре вздохнул, призывая себя к терпению. – Бейнзбери – мое официальное имя. А при рождении меня называли Андре Николас Серж де Сен-Симон.

Али мечтательно вздохнула.

– Ах, какое прекрасное имя... И какое... высокое! Оно вам очень идет, мне кажется.

– Благодарю вас, – буркнул Андре. – Рад, что вы одобряете его.

– А ваши сыновья тоже станут герцогами? – Теперь Али представила его во дворце – сидящего в окружении своих красавиц-жен и детей.

– Нет, только старший, – ответил Андре. – Если у меня вообще будут сыновья. Ведь сначала мне нужно жениться, а это – самое последнее, что мне хочется сделать.

– Но почему?! – изумилась Али. – Ведь все великие паши имеют жен – очень много жен.

– В моей стране полагается только одна жена, – ответил Андре и тут же сменил тему. – А скажи мне, Али, ты когда-нибудь видел великого пашу? На мой взгляд, у тебя существует какая-то навязчивая идея насчет того, что им можно, а что нельзя.

– Ну... Как-то раз один из них проезжал через деревню недалеко от нашей. То была великолепная процессия. – Али вздохнула, предаваясь воспоминаниям. – Паша был разодет в шелка, расшитые разноцветными узорами. Потрясающая работа! На нем сияли роскошные драгоценности. Даже его конь был разукрашен драгоценностями! – Она принялась массировать бедра Андре, что было совсем непросто, потому что мускулы на них были напряжены. – А его стражники по пути били нас бичами, чтобы дать нам понять, что мы – насекомые по сравнению с ними.

– И это сделало пашу еще выше в ваших глазах?

– Да, конечно. – Али с удивлением посмотрела на хозяина. – Вы что, не бьете у себя в стране своих подданных?

– Я – ни в коем случае. Вместо этого я сурово смотрю на них, и они падают на землю в немом ужасе.

Али кивнула и задумалась. Минуту спустя пробормотала:

– Да, я видел у вас такой взгляд. Вы метнули его в меня, но я не сообразил, что нужно пасть на землю. Я подумал, что вы хотите ударить меня.

Андре взъерошил ей волосы.

– У меня и мысли такой не возникло. А если по какой-то причине мне захочется, чтобы ты пал ниц на землю, то я дам тебе знать. Словами. Договорились? И поверь, я не собирался бить тебя, хотя и грозил раньше. Это была шутка, понимаешь?

– Да, кажется, понимаю... – пробормотала Али. – Я даже иногда удивлялся тому, что вы меня не бьете.

– Но мне кажется, что из-за этого я немного потерял в твоих глазах, не так ли? Видишь ли, Али, не в моем обычае пользоваться средствами физического воздействия. Но если хочешь, чтобы я отлупил тебя и тем самым упрочил твое почтение ко мне... Что ж, полагаю, у меня неплохо получится.

– О, нет-нет! Просто мне нужно научиться понимать с полуслова ваши желания, чтобы правильно служить вам – моему хозяину и повелителю.

– Ты служишь вполне исправно, – заметил Андре.

– Но я пока знаю только то, что нравится моим сородичам, – а ведь что-то из этого может не понравиться вам, хотя... – Али помолчала и решительно добавила: – Это не касается купания. Оно пришлось вам по душе, и оно полезно для здоровья. Поэтому вы не прогоните меня. – Закончив массировать ступни Андре, она подала ему чистую одежду.

– Прекрасно! – «Паша» начал одеваться. – А что касается моего здоровья... Что ж, тут у меня нет возражений. Но если желаешь хорошо служить мне, то тебе следует беспрекословно подчиняться мне, согласен?

– Да-да, согласен. – Али поклонилась, приложив ладонь к груди, потом к губам и ко лбу.

– Вот и хорошо. Я рад, что мы договорились. А теперь... Может, сам тоже вымоешься? – Андре пригладил влажные волосы. – Я думаю, что тебе не терпится примерить свою новую одежду. Тебе ведь не хочется ходить грязным, я прав?

– Да, конечно. Но я сделаю все сам, – быстро нашлась Али, тут же придумав отговорку. – Это неправильно, если слуга будет мыться в присутствии хозяина. И неправильно, если слуга предстанет пред ним... не совсем одетым. Ведь это будет означать неуважение к хозяину, не так ли?

– Что бы я делал без тебя и твоих рассказов о том, как быть пашой? – со вздохом пробормотал Андре. – Ладно, как пожелаешь. Только будь осторожен... и не простудись. Это я серьезно говорю. И еще, Али... Благодарю тебя, приятель. Это было прекрасное купание и прекрасный массаж. У тебя удивительно искусные руки.

– Я рад, что доставил вам удовольствие, – смутившись, ответила Али. – Порадовать вас – мое самое большое желание.

Андре похлопал слугу по щеке.

– Я начинаю верить, что так оно и есть, – сказал он. – Но будь осторожен и не проявляй такой бездумной привязанности ко мне. Я ведь могу разочаровать тебя.

– Такого просто быть не может. Вы не сможете разочаровать тех, кто отдал вам свое сердце, – прошептала Али.

Андре тяжело вздохнул и тихо проговорил:

– Али, никому не отдавай своего сердца. Никогда. И уж точно – не мне.

– Поздно, – с веселой улыбкой ответила Али. – Аллах уже решил все за меня.

– Тогда твой Аллах – глупец! Потому что у меня нет сердца, и я разобью твое! – прокричал Андре. – Запомни это! – Резко развернувшись, он пошел к лагерю.

Али смотрела ему вслед, пока он не скрылся из глаз. Потом, нахмурившись, пробормотала:

– Какой же он иногда глупый... Что ж, тогда неудивительно, что он так несчастен.

Готовя себе воду, чтобы сполоснуться, Али поставила перед собой задачу – найти приемлемое решение. Ей для этого не потребовалось много времени.

В эту ночь небеса распахнулись – и хлынул дождь. Но Али, не обращая на него внимания, поплотнее завернулась в одеяло и, однако же, задремала. Вздвогнув, проснулась через несколько минут; она вдруг почувствовала, что кто-то откинул одеяло с ее лица.

Над ней склонился Андре. По его щекам струились потоки воды, и он сказал:

– Пойдем, малыш. – Он подхватил ее на руки. – Тут сыро. Если ты следишь за моим самочувствием... Ну, тогда и я должен следить за твоим.

Через несколько секунд он внес ее в свою палатку и уложил рядом со своим матрасом. Счастливая, Али свернулась клубочком и, подложив кулак под щеку, пробормотала:

– Я придумал, Хандрей. Знаете, я найду вам жену, которая подарит вам детей.

Андре в этот момент сушил полотенцем волосы, и голос его прозвучал глухо:

– И как же ты собираешься это сделать? – Отбросив полотенце, он с любопытством посмотрел на Али. – Думаешь, подыщешь мне жену на базаре?

– Нет-нет. На базаре вы найдете рабов, а не жен. Может, в какой-нибудь деревне. – Али резко приподнялась – ей в голову пришла неожиданная мысль. – О, ведь вам нужна жена-англичанка!

– Теперь тебе захотелось женить меня на холодной рыбине? – Андре устроился на своем матрасе, натянув одеяло до груди. – Нет уж, спасибо, Али. В мире нет ничего хуже англичанок. А теперь оставь эту тему. Ложись и спи. У нас завтра трудный день. – Он повернулся на бок, и вскоре его дыхание стало тихим и спокойным.

Али улыбнулась и, вздохнув, закрыла глаза. Среди ночи ее разбудил какой-то странный звук – казалось, кто-то стонал от боли. Али приподнялась и осмотрелась. Андре метался на своей постели, и его лицо было искажено. Внезапно он снова застонал.

Али тут же склонилась над ними, положив ладонь ему на лоб, прошептала:

– Тихо, успокойся. Все в порядке, Хандрей. Я с тобой.

Лоб его тотчас разгладился, и он перестал метаться. Накрыв Андре одеялом, которое он сбросил с себя, Али аккуратно подоткнула его со всех сторон.

– Спи сладко. – Она легонько дотронулась до его щеки. – Теперь у тебя есть я, и я буду заботиться о тебе.

Вернувшись к своему одеялу, Али улеглась на бок и внимательно посмотрела на Андре. Тот спал спокойно и больше не стонал во сне.

– Ах, Ксанфос! – Андре остановил лошадь и сделал глоток воды. Перед ними расстилалась мирная укромная долина. – Ну, наконец-то! Ты взгляни на эту красоту, Жо-Жан.

Хотя они не раз посещали эти места, Андре всегда испытывал волнение при виде разрушенного, но по-прежнему величественного города, расположенного в долине. Город и донныне сохранял остатки былого великолепия, и временами Андре казалось, что каждый камень в долине нес в себе отзвуки прошедших эпох.

– Иногда мне кажется, что ты предпочел бы это место любому другому на земле, – заметил Джозеф-Жан.

– Ты прав, – кивнул Андре. Он повернул голову и проговорил: – Али, поезжай вперед, в Куник. Передай правителю Ахмеду, что мы скоро приедем и что нам потребуется его покровительство. Эти люди знают нас, но будет проявлением вежливости предупредить их. Они живут в городе из шатров милях в двух отсюда – по прямой. Упомяни про мой титул.

Али тут же ударила пятками по бокам возмущившегося ослика, и вскоре исчезла в клубах пыли.

– Похоже, тебе нравится этот мальчишка, – заметил Жо-Жан.

– Нравится? – переспросил Андре. – Да, наверное. Он мне кажется забавным.

– Думаю, ты его недооцениваешь, но что правда, то правда – Али забавный человечек. Ты собираешься оставить его при себе?

Андре нахмурился и пробормотал:

– Почему бы и нет? Он очень полезен. В отличие от всех тех, кто прислуживал нам до него. Он не жалуется, готов на любую работу, к тому же очень покладистый. А с чего ты вдруг заговорил о нем?

– Только потому, что ты собирался отпустить его, как только мы доедем до Ксанфоса, – пожав плечами, ответил Джозеф-Жан.

Мысль о том, что Али, возможно, уйдет от них, повергла Андре в шок. Этот мальчишка был созданием необычайно странным, добрым и болтливым, но в то же время обладал удивительно острым умом и был на редкость любознательным.

Более того, в присутствии Али... Да-да, как ни странно, рядом с этим мальчишкой он не чувствовал того ужасного одиночества, что преследовало его постоянно все последние годы.

Возможно, это происходило из-за того, что Али, отдавая, ничего не требовал взамен, кроме еды, крова и иногда – дружеской беседы. Господи, как давно миновали те времена, когда все в жизни казалось таким простым. И еще... Хм... по какой-то странной причине ему лучше спалось, когда Али находился рядом, в его палатке.

Андре повернулся к кузену и решительно заявил:

– Али остается с нами.

– Рад слышать, – ответил Джозеф-Жан. – Привезти еще одну палатку? Не может же он ночевать все лето под открытым небом.

– Не трать лишних денег, – сказал Андре. – Мы можем с ним поместиться в одной палатке. Он занимает мало места и ненавязчив. Просто купи походную скатку.

– Считай, что это уже сделано. – Джозеф-Жан послал свою лошадь в галоп, и Андре поскакал следом. Перспективы на нынешнее лето казались ему сейчас очень даже приятными.

В эту ночь город шатров пировал. Андре с Джозеф-Жаном расположились на плюшевых подушках, разложенных на богатых коврах перед обтянутым черными козлиными шкурами шатром местного правителя. Али же наблюдала за своими хозяевами, сидя невдалеке у костра. Им подносили одно блюдо за другим, и Али было приятно видеть, что правитель понял, насколько они важные персоны.

– Это ты – Али? – послышался вдруг чей-то голос.

Она оторвалась от чудесного плова и увидела перед собой паренька лет четырнадцати. Его черные глаза горели от любопытства.

– Да, я. – Она жестом пригласила его присоединиться к ней.

– А я – Умар. – Мальчишка сел с ней рядом. – Ты ведь пришел вместе с Бейнзбери и Клубером, да? Я их знаю. Они приезжали сюда в прошлом году. Ты их проводник?

– Нет, всего лишь слуга, – ответила Али. – Я еще ни разу не был в этих местах.

– Ясно, – кивнул Умар. – А из какой ты деревни?

– Я с юга, отсюда далеко, – сказала Али. – Мои сородичи – из народа юруков, как и твои.

– Ясно, – снова кивнул мальчишка. – Что ж, это хорошо. А почему ты здесь с чужестранцами, а не со своими? Тебе еще мало лет, чтобы оставаться одному.

Али пожала плечами.

– Мои все умерли, поэтому я отправился на север, найти работу. Мне повстречались эфенди. Они оба оказались щедрыми и добрыми. Жизнь с ними интересна и полна приключений.

– Они богатые, эти эфенди? – поинтересовался Умар. Согнув одну ногу в колене, он оперся на нее локтем.

– Да-да, очень! – воскликнула Али. – Мой хозяин живет в огромном дворце, и у него там сундуки, набитые драгоценностями. Его слуги одеты в богатые одежды, его верблюды носят на головах украшения из рубинов, а жеребцы и кобылы ходят в табунах, покрытые попонами, расшитыми золотом и серебром. – Ах, как ей нравилось все то, что она придумала!

– О!.. – Глаза Умара округлились. – А сколько у него жен?

Али прикусила губу. Ей не хотелось, чтобы хозяин потерял в уважении из-за того, что не был женат. Это была щекотливая тема. Али не могла сказать, что ее хозяин считал, будто женщины причиняют только беспокойство. Не могла сказать и о том, что женщины из его страны подобны дохлым рыбам – вонючие и холодные.

И тут ей вспомнились его странные слова, сказанные день назад. Он говорил о том, что не нужно никому отдавать свое сердце. Ухватившись за эти слова, Али принялась импровизировать.

– У него нет жены, – с печалью в голосе сказала она. – Когда-то он любил женщину больше самой жизни, самую красивую женщину на свете, но она умерла, оставив его с разбитым сердцем и обезумевшим от горя. Он похоронил ее и в память о ней решил больше не жениться.

Умар сочувственно вздохнул.

– Какая трагедия! Да, огромная трагедия. Я так и думал, что с ним случилось что-то подобное. У твоего хозяина вид человека, который переносит страдания молча. Но он еще будет вознагражден за свое воздержание и преданность.

– Честь для него – самое главное, – с гордостью заявила Али.

Умар тут же закивал.

– Да-да, конечно. – Он снова принялся расспрашивать ее дальше, и скоро к ним присоединились еще несколько человек; причем у каждого из них был свой вопрос.

Али же отвечала с огромным удовольствием. Она рассказала, как хозяин спас ее, как выхаживал, а затем обеспечил работой. И все были поражены его чрезвычайной добротой и мужеством перед лицом ужасной потери, о которой Умар уже успел поведать, приукрасив такими трагическими подробностями, которые отсутствовали в рассказе самой Али.

Через некоторое время заиграла музыка, и разговор сам собой иссяк. Невольно улыбнувшись, Али уселась поудобнее и стала прислушиваться. Оказывается, она даже не понимала, насколько соскучилась по нежному звучанию, которое струилось сейчас в темноте звездной ночи, словно водный поток. Музыка всегда успокаивала ее и в то же время очаровывала. Лютня пела о потерях и о том, чего уже никогда не вернуть, но при этом давала надежду на счастье. Лютня пела также о красоте и еще о том, что невозможно было выразить словами, но чувства, которые вызывала эта музыка, казались необычайно прекрасными.

Потом лютню взял Умар и заиграл какую-то очень простую мелодию. Некоторые тотчас поднялись и начали танцевать. А Али улеглась на бок и, подпирая щеку ладонью, стала смотреть на танцующих мужчин. И это было чудесно – она вновь оказалась в знакомой обстановке и слушала прекрасную музыку, лежа у костра.

Украдкой бросив взгляд на Умара, Али решила, что он ей очень нравится. Они могли бы стать добрыми друзьями и союзниками. Мысль о том, чтобы завязать с ним дружбу, показалась ей особенно приятной, хотя Али, конечно же, не собиралась говорить ему, что она на самом деле девушка. Более того, ей теперь уже казалось, что быть мальчиком – очень даже неплохо. А еще лучше – быть вместе с людьми, которые не толкаются и не делают из нее посмешище только потому, что она – не одна из них.

«Однако никто не может сравниться с моим хозяином», – подумала Али; в этот момент, стоя у костра, он разговаривал с правителем и несколькими мужчинами.

Но юруки, одетые в свои традиционные костюмы, с кинжалами и с красивыми украшенными серебром пистолетами за поясом, не шли ни в какое сравнение с ее великолепным хозяином – пусть даже и безоружным, пусть даже в простых шальварах, белой сорочке со скромным жилетом и в европейских сапогах. Ведь его осанка производила гораздо большее впечатление, чем любое оружие. А отсветы пламени, игравшие в черных волосах и бороде, отбрасывали тень на шатер, придавая фигуре Хандрея гигантские размеры.

Али радостно улыбнулась. Ах, он был потрясающе красив, умен и добр к тому же. И она, Али, принадлежала ему! Ей было чем гордиться, верно? О, наконец-то Аллах проявил к ней милость!

Али отвела глаза от Андре и устремила взгляд на залитые лунным светом снеговые шапки гор, которые живописно вздымались над долиной. Их дикая красота служила еще одним напоминанием о том, что иногда Аллах заставлял людей тяжело страдать, прежде чем вознаградить Своей добротой. Она вознесла Ему короткую благодарственную молитву, а потом задремала.

Глава 4

– Али, сиди смирно. Если не перестанешь вертеться, у тебя на голове получится полный беспорядок. – Андре положил ей руку на затылок и нажал, пригвоздив к месту. Потом снова принялся за стрижку. – Тот, кто стриг тебя в последний раз, настрадался от твоей непоседливости. Именно поэтому у тебя была не голова, а сплошное безобразие, когда ты только появился у нас. И кто же умудрился тебя подстричь?

Али не стала говорить, что она себя сама постригла. Для нее это было мучительное испытание – взять в руки ножницы и обрезать свои роскошные волосы, единственную свою драгоценность. Но в тот момент у нее не было выхода... А потом она обнаружила, что у мальчишек с их короткими волосами имелось огромное преимущество, в особенности – в летнюю жару. К тому же ей иногда нравилось вести себя как мальчишка.

– Поторопитесь, Хандрей. У меня еще очень много дел, – пробормотала Али, заерзав на табурете. – Да и вам нужно заняться делом.

– И это говорит мне человек, который постоянно ворчит из-за того, что я работаю слишком много? – Андре начал стричь ее затылок.

– Так и есть, – отозвалась Али. – Но тут столько развалин... Я сомневаюсь, что вы успеете описать все до ноября. Уже август, а вы еще до половины не дошли. Хотя говорили, что должны вовремя закончить свою книгу.

– Почему этот довод всплывает каждый раз, когда тебе нужно куда-то улизнуть? – поинтересовался Андре.

Али развернулась и, вскинув голову, улыбнулась ему.

– Потому что это всегда срabатывает.

Андре пощелкал ножницами и проворчал:

– Ладно, ты прав. Иди. Теперь ты выглядишь намного солиднее, как мне кажется...

Тотчас вскочив с табурета, Али отряхнула рубашку.

– Увидимся за ужином, – сказала она, проводя ладонью по своей коротко остриженной голове. – Я приготовлю вальдшнепов, которых принес с охоты Жожан.

– А сейчас куда ты так торопишься? – спросил Андре, убирая в чехол ножницы и расческу. – Снова отправишься к Умару? Мне нравится, что вы стали друзьями. Для него это тоже не вредно. Хотя... Ведь почти вся деревня ушла в горы, на пастбища. Может, лучше оставить его на время в покое, чтобы он занялся неотложными делами?

– Мы видимся только тогда, когда с нашими ежедневными делами покончено, – заявила Али. – Да Умара сейчас и нет в деревне. Он на неделю ушел в горы, чтобы увидеться с матерью. – Она грустно вздохнула. – Я буду скучать по собакам Умара не меньше, чем по нему.

Андре внимательно посмотрел на нее.

– Только не пытайся притащить в лагерь собаку. Уж лучше пожелай луну с небес. Никаких домашних любимцев. И кончим на этом разговор, ясно?

– Мне кажется, это глупо... – пробормотала Али.

– Мы снимемся с места в ноябре, не забыл?

– Но собака может поехать с нами. Почему нет, Хандрей? Щенки такие очаровательные! А ночью я могу спать с ним... Как Умар спит со своим Шерифейем.

– Я все сказал. И довольно об этом, – строго сказал Андре.

Али опустила глаза.

– Хорошо, как пожелаете. Я пойду к реке, буду делать уроки. Там прохладнее.

– Ты у нас усердный ученик, да? Что собираешься делать, когда станешь образованным? Может, откроешь ковровую лавку в Константинополе и будешь обманывать французов и вытягивать из них деньги?

– Однажды я стану великим пашой, – с улыбкой заявила Али. – Да-да, вот увидите. Но для этого мне нужно научиться всему, чему я только смогу. – Она подхватила свой узелок и, снова улыбнувшись, спросила: – Как думаете, это возможно?

– Думаю, что возможно, – ответил Андре. – У тебя способности к языкам. Твой французский становится все лучше. То же самое можно сказать и о чтении. Мои усилия непременно будут вознаграждены.

Ужасно довольный похвалой, Али поторопился уйти. Андре с улыбкой смотрел ему вслед. Ему нравились их занятия. Мальчишка оказался необычайно любознательным. И даже сказочные истории, которые Андре рассказывал ему на ночь, давали Али пищу для размышлений. На прошлой неделе он рассказал мальчику миф о Леде и лебеде и о яйце, из которого родилась Елена Прекрасная. А потом пришлось рассказать и о Троянской войне.

С некоторым удивлением Андре подумал о том, что Али стал не только толковым слугой, но и приятным собеседником. Снова улыбнувшись, он подхватил свой рюкзак и отправился к развалинам.

– А ведь жизнь с появлением Али стала гораздо лучше, – пробормотал он себе под нос.

Над рекой гулял прохладный ветерок, но день был знойный, и жара даже в тени мешала сосредоточиться. Али перечитала очередную фразу несколько раз, потом со вздохом опустила книгу. Кое-что ей и сегодня удалось узнать, но из-за жары уже начинала болеть голова.

Снова вздохнув, Али осмотрелась. Вокруг по-прежнему никого не было. Вдали дремало стадо верблюдов, коровы от жары спрятались в роще, и даже птицы умолкли. А Хандрей и Жожан где-то занимались раскопками – то были единственные люди, работавшие на солнцепеке в середине дня. Как обычно...

Али с тоской посмотрела на воду. Рискованно, конечно, однако же... Она страдала целое лето – сказала, что не умеет плавать. Но сейчас Умар был далеко, а поблизости – никого...

Быстро скинув с себя одежду, Али спустилась к реке и побрела по мелководью. Она едва не задохнулась от восторга, когда холодная вода коснулась ее лодыжек. Осмотревшись, она поискала спокойную заводь. Заводь оказалась тут же, совсем рядом. Причем она была достаточно глубокая и тенистая – прямо над ней высилось дерево. Али побрела в сторону ствола, ощущая под ногами скользкую холодную глину. Потом на мгновение окунулась с головой, после чего, откинувшись на спину, сделала несколько гребков. «Какое настоящее наслаждение, – подумала она. – Как жаль, что нельзя плавать, когда захочешь. Ведь если обман вдруг откроется... О, это будет катастрофа!»

Али нахмурилась. Интересно, как долго ей удастся сохранять свою тайну? Вообще-то это было чрезвычайно трудно... Ведь приходилось ежедневно мыться и одеваться. Не говоря уж о неудобствах, которые доставляли регулы – следовало управляться со всем этим тайком, когда никто ее не видел.

К счастью, Хандрей с Жожаном пришли к выводу, что их слуга очень стыдлив, и не подвергали сомнению ее право на уединение. Но так не могло продолжаться вечно. Было ясно: в один прекрасный день все откроется.

И как тогда поступит Хандрей?

Она собиралась рассказать ему правду. Да-да, собиралась – но боялась, что хозяин прогонит ее, поэтому держала рот на замке. Ведь она уже так привыкла к Хандрею... И она была счастлива ему служить. Ох, что же произойдет с ее жизнью, если он удалит ее от себя? Жизнь просто-напросто кончится. Больше не будет его захватывающих рассказов. И она больше не

зайдет к нему в палатку, чтобы посмотреть, как он спит. И, конечно же, она больше не услышит его смех и не увидит его улыбки... А он все чаще стал улыбаться в последние дни...

И если Хандрей ее прогонит – тогда можно напрямик отправляться к туркоманам, чтобы отдаться им в руки. А еще лучше – взобраться на ближайший утес и броситься вниз. Какая жалость, что Хандрей так добр... Будь он жестоким человеком – тут же отсек бы ей голову, узнав об обмане. Но, увы, на это можно не рассчитывать, потому что все будет гораздо хуже. Хандрей бросит на нее ледяной взгляд, от которого у нее кровь застынет в жилах, а затем скажет, чтобы она немедленно убиралась из лагеря и больше не попадалась ему на глаза.

– О, Аллах!.. – воскликнула Али, обращаясь к небесам. – Пожалуйста, прошу тебя, сделай так, чтобы мой секрет не раскрылся. А если Хандрей прогонит меня, я этого не выдержу!

Али украдкой посмотрела на Хандрея. Она никак не могла отделаться от тягостных мыслей о той печальной участи, которая, вполне возможно, ожидает ее, если хозяин вдруг узнает, что его слуга на самом деле женщина.

После ужина хозяин занялся чисткой кожаного седла – склонился над ним своей черноволосой головой, не обращая на Али ни малейшего внимания. Она перевела взгляд на Жожана. Его светловолосая голова также склонилась, но он занимался более важным делом – писал письмо матери; Жожан сам ей об этом сказал.

А вот Хандрей никогда не писал писем, только делал записи в своей книжке. Али поинтересовалась, почему он не писал родным – как Жожан.

– Слуга не должен задавать таких вопросов, ясно? – последовал резкий ответ.

Али молча кивнула и снова посмотрела на Жожана. Она знала об этом человеке почти все. У него были мать, отец и еще – три сестры, по которым он очень скучал. Вся его семья жила в небольшой деревушке во Франции. Он также рассказал, что его отец – фермер. Они были не такие важные господа, как Хандрей, но жили в достатке. И было совершенно ясно, что их семья – очень счастливая. Семейное счастье, радость и благополучие – казалось, все это отражалось на лице Жожана и читалось в его глазах.

А вот Хандрей – совсем другое дело. Возможно, у него, как и у нее, не было семьи. Ведь он ни словом не обмолвился о своих родственниках...

Тут Али вдруг сообразила, что он ни разу не спросил о ее семье. Вряд ли она сказала бы правду, но все же было обидно, что он этим не поинтересовался. Впрочем, она, кажется, сказала, что они умерли от чумы, и ему этого было достаточно... Хандрей, судя по всему, не интересовался ничем, кроме своих развалин.

– Али, что с тобой такое? – Он вдруг поднял голову и пристально посмотрел на нее – возможно, почувствовал на себе ее взгляд. – Живот разболелся? Или просто настроение плохое?

Али еще больше помрачнела.

– Вы почему-то очень злой, – пробормотала она. – Я приготовил замечательный ужин, а вы со мной совсем не разговариваете...

Андре взглянул на нее с любопытством, потом проговорил:

– Готовить замечательные ужины – твоя работа, Али. Но скажи, с каких это пор свирепые взгляды стали частью твоего репертуара? Я чем-нибудь тебя обидел? Может, сказал что-нибудь не то?

– Нет-нет, – ответила Али, потупившись.

– Тогда изволь держать при себе свое дурное настроение. С тобой обращаются прекрасно, и тебе, моему слуге, не на что жаловаться.

Хандрей был прав. Она – всего лишь слуга, ей следовало быть терпеливой. Более того, следовало порадоваться, что хозяин не ударил ее.

– Простите, я не хотел вас обидеть, – пролепетала Али.

Андре тихо вздохнул и так же тихо ответил:

– Извинение принято, Али. Думаю, тебе могло показаться, что я пренебрегаю тобою. Уже целую неделю я не рассказывал тебе никаких историй. Твое настроение улучшится, если расскажу тебе сейчас что-нибудь?

Али утвердительно кивнула, хотя думала совсем о другом.

– Что же именно тебе рассказать? – Андре закинул седло на предназначенную для него подставку.

Али тотчас подала ему мыло и принесла лохань с водой. Немного подумав, ответила:

– Наверное – историю про Ксанфос. – С таким настроением, какое у нее сейчас, ей нужно было послушать что-нибудь трагическое.

– Как, опять? – спросил Андре, вытирая руки полотенцем.

Джозеф-Жан поднял голову и проговорил:

– Похоже, наш Али испытывает тягу к кровавым драмам. Сколько уже раз ты ее слышал? Пять? Десять?

– Истории становятся только интереснее, когда их повторяют много раз, – довольно резко заявила Али, но тут же пожалела о своей несдержанности – Джозеф-Жан устался на нее в изумлении. – В них появляется все больше подробностей, – поспешно добавила она, как бы извиняясь.

– Ну, наверное... – кивнул Джозеф-Жан, по-прежнему глядя на Али с удивлением.

Андре же отодвинулся от стола и с усмешкой сказал:

– Что ж, Ксанфос, так Ксанфос.

Али тотчас устроилась у его ног; она знала, что ему нравилось рассказывать истории о гордом народе, жившем когда-то в этих местах. И он замечательно их рассказывал своим низким, густым и выразительным голосом. Чтобы должным образом настроиться на рассказ, Али ненадолго закрыла глаза, переносясь на несколько тысячелетий назад.

– Ксанфос был главным городом страны Ликия, – начал Андре. – Но чтобы понять историю Ксанфоса, надо понять характер ликийцев – сильных и стремившихся к независимости людей, которые, как полагают, прибыли сюда с острова Крит.

– Вероятно, в Минойскую эпоху, где-то в 1400-х годах до Рождества Христова, – поспешно добавила Али; ей хотелось, чтобы Хандрей пропустил все скучные подробности, но она понимала, что без них все равно не обойтись (он всегда начинал свой рассказ с этих подробностей).

– Благодарю, – с улыбкой кивнул Андре. – Они были решительно настроены жить отдельно ото всех соседей и столь же решительно боролись за свою независимость. Однако воевали вместе с троянцами во время их войны...

– Про нее говорится в «Илиаде» Гомера, – вставила Али, стараясь поторопить рассказчика.

– Интересно, как же я смогу рассказывать, если ты все время меня перебиваешь?! – возмутился Андре.

– Я просто помогаю вам перейти к главной части, – успокоила его Али.

Андре снова улыбнулся.

– Да-да, конечно... Ты хочешь перейти прямо к катастрофе. Так и быть, сделаю тебе одолжение. Так вот, когда Крез – царь Лидии – больше был не в силах противостоять Персии, его царство пало, а Ликия стояла следующей в списке персов. Свободолюбивые ликийцы, разумеется, беспокоились...

– Еще бы? Как же иначе? – пробормотала Али; рассказ начал увлекать ее. – Ведь это отвратительно, что персы хотели забрать себе все эти территории.

– Да, ты прав, – кивнул Андре. Он прикурил сигару от уголька, который вытащил из почти угасшего костра, и продолжил рассказ. – Но в конце концов ликийцы сообразили, что не смогут защитить себя. И тогда они решили, что все равно не сдадутся в плен.

Али тяжело вздохнула и прошептала:

– И вот эти мужественные люди собрали своих храбрых жен и детей в городе. Женщины держали детей на руках, чтобы те не плакали, а в это время их мучительно страдавшие мужья подожгли акрополь – туда они перед этим снесли все свои ценности и привели верных им рабов. А потом они вышли из города, чтобы биться с персами, и погибли все до одного.

– Ты предпочитаешь сам себе рассказывать эту историю? – Андре приподнял одну бровь, чем страшно рассмешил Али; ее всегда смешило, когда он так делал.

– Нет-нет, рассказывайте! Просто иногда вы забываете упомянуть про величие женщин, которые были вынуждены смотреть, как мучаются их бедные дети. Мужчины, по крайней мере, героически умирали на поле боя.

Джозеф-Жан хмыкнул и, запечатав письмо, отложил его в сторону. Затем откинулся на спинку стула и с серьезнейшим видом заметил:

– Поведение женщин – это исключительно важный момент, Андре.

– Конечно, важный, – закивала Али. – Ведь не только мужчины хотят умереть героически... А дальше, Хандрей?

– Мне кажется, лучше перескочить через годы персидского правления и завоевания Александра Великого, после которых опять последовали годы персидского правления. Ведь история как наука тебя не волнует, верно, Али?

– Но вы можете рассказать про Лигу двадцати трех городов и обо всех тех богатых людях, – заметила Али, ей очень нравился рассказ о том историческом периоде.

– Я не мог бы забыть об этом даже под страхом смерти. – Андре ухмыльнулся и затянулся сигарой. – Итак, Ликия успешно развивалась и постепенно сформировала собственную демократию, несмотря на все те трудности, которые постоянно возникали. Люди богатели и... В общем, я уверен, у них имелись и дорогие украшения, и слуги, и драгоценные масла. Кроме того, мы совершенно точно знаем, что они были очень щедры в отношениях со своими сородичами.

– Да, разумеется, – подала голос Али. – Эти люди были добрыми, храбрыми и героическими во всех отношениях. – Она придвинулась поближе к Андре. – Вы, конечно, можете изучать и описывать их, но забываете, что это были вполне реальные люди, которые жили прямо вот здесь, на этой земле. И, знаете ли, тогда тут не было этих руин.

Андре молча уставился на Али, потом посмотрел на Джозеф-Жана, после чего оба расхохотались.

– Я же прав, верно? – в растерянности пробормотала Али, не понимая, что так разве-селило хозяев.

– Да, верно, – сказал Андре, отсмеявшись. – Этих руин тогда тут не было, в том-то и дело, малыш, в том-то и дело... Как ты думаешь, почему мы сейчас занимаемся этой работой? Мы пытаемся оживить весь тот исторический период.

Тут Али вдруг скрестила на груди руки и, нахмурившись, заявила:

– А я вот что думаю... Копируя старые надписи, делая зарисовки и составляя карты, вы никого не оживите. Вы рассказываете о Ксанфосе – словно читаете лекцию по истории.

– А ты что предлагаешь? – Андре с любопытством посмотрел на своего слугу. – Я ведь не могу изменить исторические факты...

– На вашем месте я рассказал бы интересную историю о людях, об их семьях, о трагедии, которая случилась с ними, – то есть о том, что сможет понять любой человек, не только историки. – Али глянула в сторону развалин. Их уже окутали сумерки, и силуэты старинных зданий и гробниц чернели на фоне темно-синего неба.

Она попыталась представить, как все тут было две тысячи лет назад. Вот девочка, наблюдающая за приходом ночи... А вокруг нее живет город со всеми своими звуками. И девочка очень хочет понять, что же ей делать. Она ведь знает, что вот-вот в ее город придет война... И что она, эта девочка, должна была чувствовать? Вероятно, это была самая печальная часть истории.

– Али... – тихо позвал Джозеф-Жан. – Чего ты вдруг притих?

Она вздохнула и пробормотала:

– Если кому-то придет в голову мысль перенестись во времени на две тысячи лет назад, этот человек должен увидеть живых людей, а не только те развалины, которые мы видим сейчас. – Али кивнула в сторону развалин. – Но я имею в виду не знаменитых и известных, о которых говорите вы с Хандреем. Я о людях вроде меня, вроде Умара или Музаффера с его женой. – Посмотрев на Джозеф-Жана, она добавила: – Мне хочется, чтобы все узнали их имена и подробности из их жизни – тогда всем стало бы понятно, какими они были.

– Но мы ничего о них не знаем, – возразил Джозеф-Жан. – Такое можно только вообразить...

– Вот именно! – воскликнула Али. – И уж если представить, как все в Ксанфосе было много веков назад, то я бы сначала придумал семью.

– Семью?... – переспросил Андре. – И какую же семью ты бы придумал, Али?

Она задумалась, подперев кулаком щеку.

– Ну... я начал бы с самой простой семьи.

– Чтобы никаких богатств, да? – с улыбкой спросил Андре.

– Богатство – это не важно для таких людей, как я, – ответила Али с серьезнейшим видом. – Богатство имеет значение для людей значительных и великих – таких, как вы. Оно им требуется для того, чтобы поддерживать свое положение в обществе. А для остальных богатство означает просто жадность и скупость. Простым людям оно приносит больше зла, чем добра. – Тут Али вспомнила про Хаджи и добавила: – Стремление к богатству не приводит ни к чему хорошему. Оно заставляет людей вести себя бесчестно.

– Али, я еще не видел тебя таким серьезным, – заметил Джозеф-Жан. – Тебя что-то беспокоит?

– Нет-нет, – поспешно ответила Али, тотчас сообразив, что сказала слишком много. Ведь если бы Хандрей хоть что-то заподозрил... О, тогда бы он учинил ей допрос и в конце концов вытащил бы из нее всю правду.

– Али!.. – Андре пристально посмотрел на нее. – Али, что случилось?

– Я просто вспомнила про того кошмарного Брута, который страстно мечтал стать богатым и поэтому решил разграбить Ксанфос, а его жителей сделать своими рабами. И посмотрите, что произошло! Они все погибли! Погибли из-за его жадности!

– Но они сами выбрали свой путь, – заметил Андре. – К тому же... Не думаю, что у Брута могла возникнуть мысль, что они устроят коллективное самоубийство. Обычно люди, на которых идут войной, так не поступают. И говорят, что Брут плакал, когда слышал крики горожан. Так что он не был совсем уж бесчувственным.

– Ну, не знаю... – со вздохом пробормотала Али. – Все равно ужасно жалко тех бедных детей, их матерей с отцами, а также теток и дядьев...

– Не забудь о дедах и бабках, – ухмыльнулся Джозеф-Жан.

– Да, конечно. Их тоже жалко. Все они погибли мучительной смертью, потому что кому-то хотелось заработать денег на этой войне.

– Верно, Али. Но не забывай: Брут ужасно переживал и даже заплатил своим солдатам за каждого жителя Ксанфоса, найденного живым. И таких набралось сто пятьдесят человек, так что не все они погибли. – Андре протянул ей носовой платок, но Али, нахмурившись,

резко отстранила его руку. Как Хандрей мог быть таким черствым? Неужели он совершенно бесчувственный?!

– Мне не нужен платок. Хандрей, как вы можете защищать такого негодяя? – Вскочив на ноги, Али в ярости посмотрела на хозяина. – Брут, конечно, был очень важным человеком, но это вовсе не означает, что он всегда поступал правильно.

– Али, я совсем не то хотел сказать, – пробормотал Андре.

– Фу! – воскликнула она с отвращением. – Вас беспокоит лишь ваша глупая наука!

– Что ж, Али, ты прав. Для меня действительно нет ничего важнее науки, – согласился Андре. – Так что если ты своими словами хотел меня обидеть, тебе это не удалось.

– Вас совершенно не интересует реальная жизнь, – с жаром продолжала Али. – Жизнь для вас – просто игра, головоломка, которую вы решаете. Вас не интересуют живые люди и то, что они чувствуют. И это делает вас настоящим глупцом – с вашей-то умной головой!

– Малыш, ради бога, что ты...

– О, Хандрей, не беспокойтесь! – Али поняла: еще мгновение – и из глаз ее хлынут слезы. А ей ужасно не хотелось плакать перед хозяином. – Вы не поймете этого, Хандрей, ни за что не поймете, потому что у вас нет сердца. – С этими словами Али выскочила из палатки.

Андре с изумлением посмотрел на приятеля.

– Что это было?.. – пробормотал он.

– Понятия не имею, – ответил Джозеф-Жан. – На Али что-то нашло. Ты рассказывал ему эту историю бесчисленное множество раз, но никогда не было такой реакции...

– Да, знаю. Но, как бы там ни было... Думаю, это у него пройдет. А я отправляюсь спать. Завтра собираюсь работать в некрополе, а при такой жаре следует начинать как можно раньше.

Забрав свернутую в скатку постель, Андре вышел из палатки; из-за духоты спать внутри было невозможно. Устроившись на ночь, он в раздражении пробурчал:

– Куда же отправился Али?

Прошел час, и Андре еще больше разозлился.

«Неблагодарный мальчишка... – думал он. – Что ж, если Али больше не хочет слушать истории на ночь – его дело».

Три дня Али почти не разговаривала с хозяином. И продолжала злиться на него. Когда же выхода не было, она говорила с ним короткими отрывистыми фразами, но Андре, казалось, этого не замечал. Более того, занимаясь своими обычными делами, он вел себя так, словно ее вообще не существовало. И это еще больше распаляло Али.

«Хандрей – бесчувственный монстр... Как и его друг Брут», – говорила она себе, помешивая потрясающе вкусный рыбный суп, который готовила на ужин.

Андре держался с ней необычайно холодно. Он был словно... Али на мгновение вскинула голову, замерла. И тотчас же уловила какое-то движение вдали. Поднимая облака пыли, в направлении их лагеря мчались два всадника, а верблюды и коровы, мирно щипавшие траву неподалеку, в тревоге бросились в разные стороны. Но кто же это позволил себе ехать напрямую через пастбища, нарушая тем самым неотъемлемые права юруков на свои территории?

Вскоре одетый по-европейски мужчина резко остановил своего коня и тут же спешился.

– Где лорд Бейнзбери? – спросил он и добавил фразу, которую Али вообще не поняла. Она почтительно поклонилась и ответила:

– Я не говорю на вашем языке, эфенди. Прошу простить меня.

Второй мужчина, одетый по-арабски, с силой ткнул ее в плечо рукоятью кнута и сказал:

– Ему нужен твой хозяин, дурачина. – Он говорил по-турецки с чудовищным акцентом. – Где твой хозяин?

– В развалинах. – Али проглотила внезапно подступившие слезы. Ее так давно не били, что уже она забыла, как это может быть больно. – Если желаете, я схожу за ним. Выпьете прохладительного?

Араб кивнул.

– Но сначала предложи лорду. Он великий человек в Англии. Сейчас прибыл с Родоса со срочным поручением королевы.

Али взглянула на англичанина. Он не показался ей великим, в отличие от ее хозяина. Тем не менее она вежливо поклонилась и сказала:

– Эфенди, назовите ваше имя. – Али налила ему айрана и, взглянув на араба, добавила: – Я ведь должна сообщить его имя хозяину, верно?

– Передай, что сюда пожаловал лорд Уэзли, – ответил араб. – А как меня зовут – не твое дело.

Али снова поклонилась и быстро зашагала к развалинам. Потом, перейдя на бег, промчалась мимо акрополя, мимо базилики и направилась к некрополю, где, как ей было известно, сегодня должен был работать Андре.

– Хандрей!.. – Остановившись между могилами и саркофагами, она никак не могла восстановить дыхание после быстрого бега.

– Итак, маленький негодник, ты снова решил заговорить со мной? – Андре посмотрел на нее, оторвавшись от какой-то надписи, которую копировал. – Может, теперь ты соизволишь сказать, что так разозлило тебя?

– Это не важно, – пробормотала Али, все еще тяжело дыша. – У вас визитеры – важный англичанин. Его зовут лорд Уэзли. Это срочно, что-то насчет вашей королевы.

Андре нахмурился и проворчал:

– О господи, ведь Томас Уэзли – самый несносный из людей. И он, наверное, притащил с собой своего ненормального сирийца, верно?

– Да, его сопровождает какой-то араб.

Услышав, как Андре выругался вполголоса, Али вздохнула. Она начинала думать, что никогда не заставит его избавиться от своих привычек.

– Ладно, ничего не поделаешь, – сказал он. – Вот черт!

– Он вам не нравится, Хандрей? Знаете, это хорошо. Потому что мне он тоже не понравился.

– Он мне отвратителен! – заявил Андре. – Уэзли относится к тем англичанам, которых я абсолютно не переношу. Но он тоже историк и работает с теми же самыми людьми, с которыми работаю я. Поэтому приходится его терпеть.

– Он важный лорд? Его слуга говорит, что очень важный, но я сомневаюсь, – добавила Али.

– Известно, что он барон. – Андре принялся паковать свой рюкзак. – Но барон – не такой уж высокий титул. И вообще, ценность человека – не в его титуле, а в делах. Так вот, если мерить Уэзли по делам, то он окажется в самом низу шкалы. Это самый аморальный и бесчестный субъект из всех тех негодяев, с которыми я когда-либо имел несчастье познакомиться.

Али энергично закивала, полностью соглашаясь с хозяином. Потом вдруг спросила:

– А кто такой этот сириец?

Андре закинул рюкзак на плечо и пробурчал:

– Его зовут Абрахам, и он стоит своего господина. Поверь мне, Али, нет человеческих существ ниже, чем сирийцы. – Андре криво усмехнулся и добавил: – Он продаст собствен-

ную мать, если решит, что заработает на этом, и воткнет тебе кинжал в спину, если ты сгруппишь и повернешься к нему спиной.

Помассировав все еще горевшее плечо, Али подумала, что Хандрей совершенно прав в отношении сирийцев.

– Побыстрее найди Жо-Жана, – приказал Андре. – Расскажи ему, что тут у нас происходит. Он тоже не обрадуется, узнав про наших гостей.

– Они у нас задержатся?.. – спросила Али со вздохом.

– Не сомневаюсь. Но думаю, что ненадолго, если я правильно поведу себя. К сожалению, мне придется проявить вежливость. Ради моей работы, понимаешь? Этот Уэзли обижается по малейшему поводу и поэтому может создать множество проблем. – Андре уже зашагал к лагерю, потом вдруг остановился и, обернувшись к Али, сказал: – Пожалуйста, держись от них подальше. По возможности не попадайся им на глаза.

Направляясь к лагерю, Андре ругал себя за беспечность и легкомыслие. Ведь он должен был предвидеть, что Уэзли выследит его. Возможно, даже воспользуется своими старыми уловками... Этот человек жульнически окончил Оксфорд, а теперь жульничал и в науке, воруя понемногу у разных историков. Сюда же он, вне всяких сомнений, приехал вынюхивать... Наверняка решил выведать, что они тут с кузеном сумели сделать и описать. И, конечно же, хочет тиснуть все это в печати до того, как он, Андре, опубликует свою книгу о ликийцах.

И еще этот проклятый сириец!.. Андре ненавидел его от всей души. Как-то раз он увидел, как сириец отсек голову собаке только за то, что бедное животное имело несчастье задрать лапу и обмочить его бурнус. От одного вида этого человека Андре начинало мутить. Но, увы, выхода не было. «Так что придется делать хорошую мину при плохой игре», – со вздохом подумал Андре.

– Приветствую, Уэзли, – поздоровался он, отметив, что визитер уже по-хозяйски чувствовал себя за его рабочим столом. – Странно видеть тебя здесь. У тебя ко мне какое-то срочное дело?

– Какая приятная встреча, старина! – воскликнул барон. – Я привез послание от Британского музея. – Он сунул руку в карман. – Вот, поручено передать тебе...

Андре взял письмо. Интересно, Уэзли уже прочел его? Да, скорее всего. В письме же не было ничего срочного – просто лорд Амберсвилл сообщал последние новости. Все это вполне могло бы прийти со следующей почтой, в ноябре. Уэзли явно из кожи вон лез, уговаривая Амберсвилла передать письмо через него.

– Благодарю, – сухо сказал он.

– Ну, естественно!.. Беспредельная теплота и благодарность – как всегда! – Уэзли откинулся на спинку стула, скрестив на груди руки. – Итак, Бейнзбери, кто этот твой новый слуга? Слишком юн, тебе не кажется?

Андре проигнорировал вопрос.

– Вы, наверное, останетесь ненадолго?

– Да, на несколько дней. Я также воспользуюсь удобным случаем, чтобы дать отдых лошадям. Если ты не против, конечно. – Барон улыбнулся. – Мне так не хочется нарушать твое уединение. Кстати, где твой неизменный компаньон?

– Работает. – Андре пытался быть вежливым, хотя не очень-то получалось. – Надеюсь, ты меня извинишь, если я вернусь к своим занятиям. Можете установить свою палатку по соседству.

– Весьма любезно с твоей стороны, приятель. – Уэзли подал знак Абрахаму, стоявшему рядом с самодовольной улыбкой.

Андре же поспешно удалился. Он нисколько не сомневался в том, что следующие несколько дней превратятся в сущий ад.

Сидя в тени кустарника, Али наблюдала за людьми, приехавшими в лагерь. Этот лорд Уэзли был не таким уж отвратительным на вид. У него были белокурые волосы и светлые глаза, но они не отражали свет, как глаза Хандрея, которые в зависимости от настроения и обстоятельств приобретали разные оттенки – иногда становились бледно-голубыми или дымчатыми, иногда – темно-серыми, а иногда – почти серебристыми.

У Уэзли глаза были просто серые. Сам же он был ни высокий, ни маленький, ни толстый, ни худой – то есть какой-то совершенно невыразительный. Как еда без приправ.

Но в нем было нечто такое, что вызывало у нее беспокойство и порождало ощущение, что с этим человеком что-то не так. Казалось, Уэзли тайно готовился что-то предпринять против ее хозяина, хотя вроде бы выказывал к нему уважение. Да-да, этот барон Уэзли был себе на уме. И он явно что-то задумал...

И еще ей очень не нравилось, как Уэзли смотрел на Жожана. Смотрел так, как будто знал какой-то его секрет, который держал при себе.

Если бы Али знала английский, то попыталась бы подслушать, о чем он говорил со своим слугой, когда Хандрей и Жожан уходили. Впрочем, она, как и обещала, держалась от «гостей» подальше и старалась не попадаться им на глаза. Увы, это не помогало. Абрахам при любом удобном случае норовил ударить ее рукояткой кнута. Причем всегда делал это в такой момент, когда никого не было поблизости.

Али почти сразу же возненавидела его покрытую тюрбаном голову, его белый бурнус и, конечно же, набалдашник на рукоятке кнута, который опускался на нее всякий раз, когда она не бросалась тут же выполнять его приказы. Уэзли она терпеть не могла, а Абрахама – ненавидела.

На пятый день эти двое наконец-то уехали. Али вздохнула с облегчением, когда ранним утром они умчались, распугивая по пути верблюдов и коров – как и во время приезда. Когда же всадники скрылись в клубах пыли, Андре заявил, что нужно отметить это событие.

– Приведи овцу, Али! – крикнул он с усмешкой. – Мы свободны наконец-то! Господи, что за кошмарная была неделя!

Джозеф-Жан кивнул и сказал:

– Ты продемонстрировал потрясающую выдержку, мой друг. Несколько раз мне казалось: еще немного – и ты устроишь ему головомойку. Но ты сдерживался.

– Так и было, – кивнул Андре. – Только какой в этом смысл?..

– Никакого, конечно же. И я не стал бы винить тебя, если бы ты не сдержался. У этого человека прямо-таки запредельная самоуверенность! Ведь он намекал на то, что Британский музей ценит его работу выше, чем твою!

Андре вздохнул и пригладил волосы.

– Ах, забудь о нем. Ведь он наконец-то уехал и забрал отсюда этого отвратительного сирийца. Ты чего стоишь столбом, Али? Беги быстрее за мясом!

С радостью отметив, что улыбка снова вернулась к хозяину, Али вскочила на осла и отправилась в деревню. Если хозяину хочется праздника, праздник обязательно будет!

– Умар, быстрее сюда! – крикнула она, въехав в деревню. – Чужестранцы уехали! Нам нужна овца! У нас будет праздник!

– Праздник? – Глаза Умара загорелись. – О, замечательно! У нас не было праздников с тех пор, как наши уехали в горы, на пастбище. – Мальчик вдруг нахмурился. – Но в деревне почти никого не осталось. Только отец, мой брат и...

– И еще – Музаффер с Хатидже и пятеро их детей! – радостно воскликнула Али. – Кроме того, мы с тобой и двое эфенди. Людей вполне достаточно, чтобы устроить праздник. И мы будем петь, и танцевать, и... просто веселиться!

– Веселиться? – переспросил Умар. – Что ж, тогда пора приниматься за дело. Надо торопиться. Чтобы приготовить баранину, потребуется несколько часов.

Когда день склонился к вечеру, все было готово. Али помогла намолоть пшеницы, а из полученной муки Хатидже замесила тесто для лепешек. С помощью Умара они наготовили салатов, сдобрив их ароматными специями, которые Али купила для Хатидже, когда последний раз ездила на базар.

Над деревней носились чудесные запахи жареной ягнятины, только что испеченных лепешек, разных приправ и тулума – острого сыра, который готовили в специальном бурдюке из козлиной шкуры.

Оставшиеся в деревне жители собрались в центре поляны, куда вынесли ковры и подушки для ожидавшихся гостей. Убедившись, что все устроено, как полагается, Али вскочила на своего ослика и помчалась обратно в лагерь.

– Бог ты мой! – воскликнул Андре, когда они добрались до деревни. – Ты, оказывается, устроил настоящий праздник, Али.

– Конечно! – весело откликнулась она. – Неужели вы подумали, что я могу послушаться своего хозяина?

Андре посмотрел на нее с усмешкой.

– Мне кажется, ты делаешь только то, что сам хочешь, но при этом пытаешься убедить меня, что все это – мое желание.

Али радостно улыбнулась.

– Если ваши желания осуществились, то какая разница, как это получилось? – Она бросила повод и соскользнула с ослика. – Пойдемте быстрее. – Али потянула хозяина за рукав. – Для вас и Жожана оставлены самые почетные места.

Они ели, весело болтали и смеялись. А вокруг них расстилались просторные пастбища и вздымались горы. Вдали же виднелись развалины Ксанфа – уже едва различимые в это время дня.

То и дело улыбаясь, Андре посматривал по сторонам. Али подносил одно блюдо за другим, и всем вокруг него было очень весело. «У нашего Али – прямо-таки дар веселить людей», – подумал Андре, перехватив озорную улыбку своего слуги. Огромные глаза мальчишки сияли, живое личико выражало десятки разных эмоций, а сам он, стройный и грациозный, с воодушевлением носился по ковру.

Андре снова улыбнулся. Этот ребенок все больше ему нравился. И в самом деле, ему уже было трудно представить свою жизнь без жизнерадостного и веселого Али.

Он вдруг сообразил, что за три года их странствий они еще никогда не были так близки с местными жителями. Их с Жо-Жаном считали чужаками, с уважением смотрели на них снизу вверх, но никогда не относились к ним как к своим. И только благодаря Али эти люди приняли их в свой круг.

Андре невольно вздрогнул, пораженный совершенно неожиданным открытием. Ведь он наконец пришел в себя! Да-да, мысли о Жене-веве, о предательстве отца и о соучастии матери уже какое-то время перестали посещать его. И в самом деле, он не мог припомнить, когда последний раз провел бессонную ночь, ворочаясь с бока на бок...

Он помотал головой, словно отгоняя наваждение. Даже не верилось, что такое могло случиться. Прежде ему казалось, что придется всю жизнь прожить в непрерывных мучениях. Но как-то так получилось, что вот он сидит здесь... и наслаждается праздничным весельем.

Но что же это означало? Что он должен был чувствовать теперь, когда ужасные страдания, так долго державшие его в своих острых когтях, превратились в какую-то глухую боль, вернее – в тягостные воспоминания? И как же это произошло? Когда? И почему? Неужели Господь Бог...

Андре нахмурился, тотчас же отбросив эту мысль. Нет-нет, просто время лечит, вот и все. И действительно, ведь невозможно постоянно жить с кровоточащей раной в сердце, если оно, это сердце, бьется в обычном ритме...

Но все, довольно думать об этом! Вечер прекрасен, и в такой вечер очень приятно сидеть среди всех этих людей, никак не связанных с его прошлым. За исключением Жо-Жана, конечно, но он не в счет.

– Хандрей! – окликнул его Али. – Вы выглядите слишком серьезным. Пожалуйста, станцуйте для нас! А Умар подыграет вам на лютне.

– Танцевать... для вас? Али, ты в своем уме?

– Конечно, в своем! Я уверен, вы прекрасно танцуете. Хандрей, пожалуйста... – Блестящие глаза мальчишки смотрели на него с мольбой.

– Ладно, хорошо. Почему бы и нет? – услышал Андре свой собственный голос. И вдруг заметил, что Жо-Жан уставился на него с удивлением.

Он криво усмехнулся и поднялся на ноги. Все тотчас умолкли, и Умар заиграл на лютне какую-то мелодию. Андре же, раскинув руки, начал свой танец, знакомый ему с детства. Его движения были ритмичными и плавными, и он невольно улыбался, чувствуя, что все получается и что он не разучился двигаться в такт музыке. Господи, как же давно он не танцевал!... Андре зажмурился, всецело отдавшись музыке. И это тоже было чудесное ощущение.

Он остановился, когда музыка стихла и ее сменили крики одобрения. А Жо-Жан громко хлопал в ладоши. Открыв, наконец, глаза, Андре увидел широкую улыбку Али – от уха до уха. Весело рассмеявшись, Андре поклонился зрителям и уселся на свое место. В центр лужайки тотчас выбежал брат Умара, который принялся что-то отплясывать; мелодия же была весьма примитивная, но заводная.

Минуту спустя к Андре кто-то подошел. Он поднял голову и увидел перед собой Али.

– Вы танцевали просто потрясающе. – Мальчик опустил на ковер рядом с ним. – Я не сомневался, что так и будет. Вы танцевали от всего сердца, про которое говорите, что его у вас нет.

Андре долго молчал. Наконец тихо проговорил:

– Да, возможно, я танцевал от всего сердца, про которое ты говорил, что его у меня нет. Али просияла.

– Хандрей, значит, вы все-таки прислушиваетесь ко мне... О, это прекрасно!

– Прекрасно?... Послушай, Али, а какая тебе разница, есть у меня сердце или нет? – Андре внимательно посмотрел на мальчика.

– Но ведь сердце человека – отражение его души, – ответила Али, немного помолчав. – А душа – это самое главное, верно? – Андре молчал, и Али, легонько коснувшись его груди, добавила: – Я не о том, что вы не понимаете, что у вас там, внутри. Вы просто не хотите этого знать. Но в один прекрасный день узнать все-таки придется.

Глава 5

Сидя возле ковровой лавки Джемиля, Андре отхлебывал из стакана яблочный чай и наблюдал за Али, разгуливавшим между торговыми рядами; то было зрелище, достойное улыбки. Али обожал их ежемесячные вылазки на базар – даже несмотря на то, что на поездку в один конец уходило три часа, – и неустанно интересовался любым товаром; он щупал всевозможные ткани и исследовал пряности в огромных бадьях, погружаясь в них с головой, но при этом не забывал покупать все, что требовалось. И время от времени мальчишка с важным видом просматривал список покупок, который составил для него Андре.

Окинув взглядом подходивших к базару верблюдов, навьюченных разными товарами – верблюды вскоре перекрыли обзор, – Андре вернулся к своей беседе с Джемилем. Когда же караван прошел, оказалось, что Али уже перебрался к прилавкам с фруктами и овощами; сейчас он держал в руках гранат, оценивая его сочность.

А потом произошло неожиданное... Какой-то мужчина, заросший бородой до глаз и одетый так, как одевались юруки, внезапно возник за спиной у Али и схватил его за плечо.

Мальчик обернулся – и гранат выскользнул из его рук. По земле тотчас же разлетелась багровая мякоть с зернами. А мужчина вдруг изо всей силы ударил Али в ухо.

– Хаджи, нет! – вскрикнул мальчишка, отскочив в сторону. – Нет, не надо!

Андре приподнялся. Его захлестнул гнев, и он бросился к прилавку. Али вскинул голову при его приближении, и в огромных глазах мальчика, обычно светившихся улыбкой, застыл страх.

Андре же был в ярости. Подбежав к мужчине, он приказал:

– Немедленно отпусти моего слугу! – Голос его был холоден как сталь.

Бородач обернулся и, окинув Андре презрительным взглядом, переспросил:

– Слугу? Лучше скажи – твою шлюху.

– Мою шлюху?! – Андре был вне себя от гнева. – Тебя надо бы прикончить за такие слова! – Овладев собой, он продолжал: – Как бы там ни было... Я гость в вашей стране. Поэтому давай разойдемся миром. Что ты здесь делаешь? И что тебе нужно от моего слуги? – Вокруг них уже начала собираться толпа.

– Что я здесь делаю, тебя не касается, – заявил Хаджи. – А твой слуга... – Хаджи произнес это слово словно выплюнул. – Он принадлежит мне.

– Говоришь, тебе? – переспросил Андре с невозмутимым видом, но он уже предчувствовал какую-то неожиданную новость – крайне неприятную, конечно же.

– Али сбежала, лишив меня дохода. Она украла одежду моего сына. А еще украла еду. Если тебе нужна эта маленькая воровка, плати за нее. Иначе она пойдет со мной, – попыток бордач.

Она?.. Андре чувствовал себя так, словно Хаджи изо всей силы ударил его в живот. Но внешне он по-прежнему был невозмутим. Взглянув на Али, Андре снова повернулся к мужчине и спросил:

– А у тебя есть на нее права?

– Она моя племянница, – ответил Хаджи. – Я как раз собирался получить за нее брачный выкуп – и тут она сбежала.

– Какой выкуп?! – воскликнула Али. – Ты же собирался выставить меня на невольничьем рынке и продать туркоманам в рабство!

– Молчи! – крикнул Хаджи. – И чтобы больше ни единого слова не слетело с твоего змеиного языка, поняла?!

– Не смей так разговаривать с Али! – приказал Андре, и в голосе его звенел металл.

Хаджи пожал плечами – и промолчал. Андре же, пристально глядя на бородача, проговорил:

– Значит, ты решил продать свою племянницу туркоманам? А теперь ты собрался продать ее мне, я правильно понял?

Хаджи нервно облизнул губы.

– Я ведь что-то вложил в нее... Все эти годы я поил и кормил ее и ничего не имел взамен. Да-да, ничего! И все, что я делал для этой неверной, – все это делалось из доброты душевной...

– Неверной? – холодно осведомился Андре. – Но как же твоя племянница может быть неверной?

– Вах! В Али даже нет турецкой крови, – заявил Хаджи. – Однако я кормил ее и давал крышу над головой, потому что мой брат имел глупость взять ее в дом.

Андре снова бросил взгляд на Али, внимательно рассматривавшую мякоть разбитого граната у нее под ногами. Итак, Али солгала. Причем солгала дважды – не только скрыла свой пол, но и происхождение. Ладно, потом он с ней поговорит.

– Говоришь, из доброты душевной? – Андре пристально посмотрел на Хаджи. – Что ж, поскольку меня вполне устраивает работа Али... И так как я сгину в аду, если верну тебе девочку... В общем, я куплю ее у тебя.

Собравшаяся вокруг толпа ахнула в изумлении. Андре же, нашарив в кармане кошелек, вытащил три золотые монеты.

– Это намного больше, чем ты смог бы получить от туркоманов, – сказал он, бросив монеты к ногам Хаджи. – Считай, что излишек – это плата за одежду твоего сына. Забирай.

Хаджи бросился подбирать золото. Внимательно рассмотрев монеты, он сунул их в карман и спросил:

– Но почему она у тебя одета как мальчишка?

Андре с усмешкой пожал плечами.

– Меня это развлекает. Такой ответ тебя устраивает?

Хаджи презрительно фыркнул и проворчал:

– Тогда неудивительно, что ты так хорошо платишь.

Андре нахмурился и процедил сквозь зубы:

– Я заплатил, чтобы ты немедленно исчез.

– Я слышал, что иностранцы – сплошь извращенцы, – заметил Хаджи, уже собираясь уходить. – Но я представить не мог такого извращенца, который блудит с девочкой, переходя в мальчишку. Выходит, что ты...

Бородач не успел договорить – в следующее мгновение кулак Андре врезался в его челюсть, и тотчас же раздался хруст. Хаджи опрокинулся на прилавок с фруктами и овощами, и на землю посыпались баклажаны, огурцы и апельсины. Торговец в испуге завопил, а толпа одобрительно зашумела.

Андре опять сунул руку в карман и вытащил пригоршню пиастров. Вложив монеты в ладонь торговца, он в последний раз взглянул на Хаджи – тот громко стонал, лежа в многоцветном обрамлении раздавленных плодов, – потом повернулся к нему спиной и направился к Али. Смертельно побледнев, девочка упала на колени и, схватив его за руку, стала покрывать ее поцелуями.

– Спасибо, Хандрей, – шептала она. – Благодарю вас...

– Встань, – отрывисто приказал Андре. Не сказав больше ни слова, он подхватил рюкзак, набитый покупками, перекинул его через плечо и, не глядя по сторонам, быстро зашагал к ближайшей улочке. Али тотчас побежала следом за ним.

Когда они добрались до своих лошадей, Андре пристегнул рюкзак к переметной сумке и сказал:

– Поехали.

– Но... Хандрей, разве вы не собираетесь...

– Я не собираюсь говорить с тобой прямо сейчас. Но имей в виду: если ты не сможешь объяснить мне все... я очень и очень рассержусь.

– О, пожалуйста, Хандрей! Ударьте меня, закричите на меня, все что угодно – только не эта холодность. Хандрей, я...

– Хватит! – заорал он. Немного успокоившись – на шее у него все еще билась и вздувалась жилка, – он тихо добавил: – Если я услышу от тебя еще хоть слово, придушу собственными руками. Да, кстати... Я терпеть не могу выбрасывать на ветер большие деньги.

Вскочив на коня, Андре взял с места в карьер, и Али, тяжело вздохнув, последовала за ним. Всю дорогу оба молчали – Андре просто не мог говорить. Он был потрясен до глубины души – и даже не представлял, что же ему теперь делать.

Услышав, что они подъезжают, Джозеф-Жан оторвался от альбома с зарисовками.

– Что-то вы рано вернулись... – Он подошел к ним. – Неужели Али не захотелось задержаться, чтобы после прогулки по базару послушать рассказы Джемиля?

– Я решил сразу вернуться, – буркнул Андре, соскакивая на землю. – Там возникла... кое-какая сумятица. И мне не хотелось бы отвечать на некоторые вопросы, так как ответов на них я не знаю. – Сказав это, он выразительно взглянул на Али. А та стояла, уставившись в землю.

– О господи... – Джозеф-Жан смотрел то на кузена, то на Али. – Что же у вас там случилось? Какие-то... сложности?

– Можно и так сказать. Внезапно объявился дядька Али. – Андре отстегнул седельную сумку и передал ее Жо-Жану.

– Я думал, у Али нет близких... Разве все они не умерли от чумы?..

– Вообще-то он не родной дядя. То есть совсем не дядя. Но не сомневайся, это дитя сбежало из его дома. По словам Али – чтобы избежать продажи в рабство.

Джозеф-Жан с изумлением взглянул на Али.

– Какой ужас... Но почему?..

– Потому что Али для него – никчемная девчонка.

Жо-Жан в изумлении уставился на Али.

– Что ты сказал?.. – пробормотал он в растерянности.

– Ты прекрасно меня слышал. Никчемная девчонка. К тому же – из неверных. И потому лишенная высокой чести быть турчанкой. Это все, что я понял. Если Али сейчас не опровергнет его слова, – значит, он сказал правду.

– О господи! И что же ты сделал?

– Я купил ее. – Резко развернувшись, Андре зашагал к палатке.

«Лучше бы мне умереть», – подумала Али. То, что произошло на базаре, – это было ужасно. Но самое ужасное происходило сейчас. Андре все-таки узнал правду, и теперь... О, она, конечно, понимала, что правда в конце концов выйдет наружу, потому что ее жизнь при Хандрее и Жожане была слишком уж хороша. Но все-таки она не ожидала, что гнев Хандрея будет столь силен...

Теперь она могла воочию убедиться, что Аллах решил наказать ее. И он наказал ее очень сурово за тот короткий миг счастья, который Сам же и послал ей.

– Али, это правда? – Джозеф-Жан испытующе смотрел в ее залитое слезами лицо.

Она утвердительно кивнула. Стыд и страх переполняли ее.

– Что он сделает со мной, Жожан? – спросила она шепотом.

– Понятия не имею. Давай где-нибудь присядем. Нет-нет, оставь в покое покупки. Разберем их потом. Мне кажется, нам надо поговорить.

Али неохотно пошла за ним. Он усадил ее за стол рядом со своей палаткой, принес миску с водой и, намочив обрывок материи, протянул ей. Поблагодарив, она вытерла заплаканное лицо.

– Как же так получилось?.. – Как ни странно, Жожан смотрел на нее с сочувствием.

Али судорожно сглотнула.

– Поверьте, я не собиралась... Но вышло так, что... – Она вздохнула и потупилась.

– Все произошло случайно, да?

Али закивала и тут же, всхлипывая, проговорила:

– Понимаете, когда вы нашли меня, я была слишком слаба, и у меня не было сил что-либо объяснять. А потом... Ох, мне так хотелось служить Хандрею! Но я знала, что он прогонит меня, если узнает правду, и поэтому...

– Помедленнее, Али. Не торопись. Я почти ничего не понимаю.

Али перевела дух и вновь заговорила:

– Я решила, что сначала сделаю так, чтобы Хандрей был доволен мной, а потом расскажу ему все. Но... О, Жожан, мне понравилось быть мальчишкой! – Она опять расплакалась. – Это было так замечательно... И я ведь нравилась Хандрею... Потому и решила, что не понравлюсь ему такой, какая есть на самом деле.

– Перестань, не реви. – Джозеф-Жан протянул ей носовой платок. – Конечно, у нас впереди множество проблем, но все они разрешимы, ясно?

Хлюпнув носом, Али высморкалась.

– Я потом его выстираю, – пообещала она, увидев, во что превратился платок.

– Не переживай. – Джозеф-Жан едва заметно улыбнулся. – Мне кажется, нам нужно начать с самого начала. Я уверен, все можно будет исправить, если мы с Андре узнаем все факты.

– Но ведь все началось много лет назад... – возразила Али. – Неужели вы действительно считаете, что...

– Пожалуйста, расскажи мне все, – перебил Джозеф-Жан, легонько пожав ее руку.

– Ну... я тогда была совсем маленькой, – начала Али свою историю с самого начала. – Матери у меня не было, а отца убили туркоманы. И я сидела в углу пещеры, где он приказал мне спрятаться.

Али содрогнулась и умолкла. Она никогда ни с кем не делилась этими давними воспоминаниями – зыбкими и смутными, как сон. Собравшись с духом, Али вновь заговорила:

– Ури – он был из юруков – пас своих овец неподалеку и случайно наткнулся на меня. Ури забрал меня к себе в деревню и попросил свою жену Магду позаботиться обо мне. Понимаете, у нее не было своих детей.

– Это было для нее большой удачей, что появилась ты, – заметил Джозеф-Жан.

– Да, верно. Я тоже так думаю. Только вот Хаджи, брат Ури... Хаджи всегда называл брата дураком и стал считать его еще большим дураком, когда он взял сироту в дом. А потом, через несколько лет, Ури умер, и Хаджи забрал нас с Магдой к себе.

– Понятно, – кивнул Джозеф-Жан. – И все это Хаджи не нравилось, верно?

– Очень не нравилось. – Али тяжело вздохнула. – Он постоянно ворчал, хотя мы с Магдой работали из последних сил, чтобы оплатить наше проживание. Жизнь наша была совсем не легкой, а потом и моя приемная мать умерла.

– Понятно. И тогда начались твои несчастья?

– Да, начались, – подтвердила Али. – Жизнь превратилась в кошмар. А однажды ночью Хаджи ужасно разозлился на меня. – Али не сказала почему разозлился, так как ей не хотелось посвящать Жожана в унижительные для нее подробности. – В общем, он сказал, что знает способ, как с выгодой избавиться от меня.

– Именно тогда он решил продать тебя в рабство? – спросил Джозеф-Жан.

Она кивнула.

– Через несколько дней через деревню должны были проехать туркоманы. Он сказал, что они заберут меня с собой в город и выставят на продажу. Хаджи собирался заработать на этом много денег. Поэтому я решила, что лучше сбежать. – Али всхлипнула и, отвернувшись, добавила: – И даже если бы, сбежав от него, я умерла где-нибудь в горах... Я умерла бы достойно, а не так, как покорная рабыня.

– Ты храбрая, Али. Очень храбрая, – пробормотал Джозеф-Жан. – И я очень рад, что мы нашли тебя.

– Значит, вы понимаете, почему я остригла волосы и переделалась в мальчишескую одежду? – спросила Али. – Для меня было бы намного опаснее, если бы я попыталась преодолеть весь этот путь беззащитной девчонкой, разве не так? Пожалуйста, о, пожалуйста, постарайтесь меня понять!

– Конечно, я понимаю тебя, – успокоил ее Джозеф-Жан.

– Но вот Хандрей – нет, – проговорила Али со вздохом. И наконец заставила себя задать мучивший ее вопрос: – Ох, Жожан, что со мной будет? Он не захотел говорить со мной. И он был в такой ярости!..

– Естественно. А чего же ты ожидала, Али? Ты поставила его в ужасное положение...

– Я... Я понимаю. Но я представить не могла, что Хаджи объявится так неожиданно. Он раньше никогда не заезжал так далеко на север.

– Дело не в этом. Ах, Али, неужели ты не понимаешь? Ну, подумай как следует. Все эти несколько месяцев Андре ничего не имел против того, что ты ночуешь у него в палатке и помогаешь ему... в его личных потребностях. – Джозеф-Жан внезапно умолк и залился краской.

Али взглянула на него с удивлением.

– А что, у вас в стране женщинам подобное не позволено?

– У нас в стране тоже позволено. Но только в тех случаях, когда женщина обслуживает другую женщину. А у мужчин есть слуги-мужчины.

– Как глупо! – воскликнула Али. – В моей деревне было совсем по-другому... Мужчины приходят домой с поля усталые, а женщины уже держат наготове горячую воду для ванны, масла и...

– Но Андре – не член твоей семьи, – перебил Джозеф-Жан. – Он твой хозяин.

– Тем более я должна прислуживать ему, – заупрямилась Али. – А если он злится из-за того, что я видела его раздетым, то я тогда просто скажу ему...

– Нет! – в тревоге воскликнул Джозеф-Жан. – Вообще, не затрагивай эту тему, ясно?

Али лукаво улыбнулась.

– Он будет смущаться, да?

– Он будет чрезвычайно раздосадован. А у тебя и без того много проблем. Поняла?

Али кивнула.

– Да, наверное, вы правы. Плохо уже то, что Хандрей не любит женщин.

Джозеф-Жан ненадолго задумался, потом проговорил:

– Али, тебе нужно понять кое-что. Нельзя сказать, что Андре не любит женщин. Он просто предпочитает компанию мужчин.

– Так вот почему он не захотел со мной разговаривать, когда я сказала, что ему надо жениться.

Джозеф-Жан надолго замолчал, уставившись в землю. Потом потер пальцами виски и, подняв на девушку глаза, снова заговорил:

– Нет, Али, я не то хотел сказать. Андре не захотел говорить о женитьбе только потому, что уже один раз чуть не женился. Но его невеста умерла буквально накануне их свадьбы. Ее смерть ошеломила его, и теперь он даже думать не может о женитьбе.

- Я знала это... – прошептала Али. – Именно об этом я и говорила Умару.
- Говорила Умару?... О, помоги нам Господи! – Джозеф-Жан прикрыл ладонью глаза.
- А Али тут же добавила:
- Да-да, я так и думала... Я знала, что с ним произошло что-то подобное.
- Но с какой стати тебе понадобилось говорить об этом с Умаром? – спросил Джозеф-Жан.
- Потому что всем в деревне было любопытно узнать, почему такой сильный и красивый повелитель не имеет жен, хотя бы одной. Нужно было придумать, как защитить репутацию Хандрея. Поэтому я сказала, что он похоронил любимую жену.
- Ладно, хорошо. Только, пожалуйста, сделай для меня огромное одолжение. Ни в коем случае не заводи такой разговор с Андре.
- Обещаю, – кивнула Али. – Но ведь она не была дохлой рыбой?
- Прости, не понял... – Джозеф-Жан опять помассировал виски.
- Хандрей говорил, что все английские женщины похожи на дохлых рыб, – объяснила Али.
- А, понятно... – отозвался Джозеф-Жан. – Ты имеешь в виду, что они – холодные как рыбы. Это такое выражение. Так у нас говорят про чопорных женщин, лишенных страсти. Нет, она была совсем другой.
- Так она была турчанкой? – с надеждой в голосе спросила Али.
- Джозеф-Жан отрицательно покачал головой:
- Нет, Женестьева была француженкой. Девушка из нашей деревни, она была очень ласковой и очень красивой, с шелковистыми волосами пшеничного цвета и с голубыми, как небо, глазами. И она всегда казалась слишком хрупкой и нежной, так что ее все время хотелось защитить, потому что мир для таких людей... слишком грубый и безжалостный.
- Наверное, она походила на фею из сказки, которую рассказывал Хандрей, – сказала Али. «Интересно, каково это – быть златовласой и хрупкой?» – подумала она.
- На фею? Да, пожалуй, – кивнул Джозеф-Жан. – Они с Андре полюбили друг друга еще в детстве. И зачем я рассказываю тебе все это? – добавил он со вздохом.
- Не знаю... – прошептала Али. – Но я рада, что теперь наконец-то узнала, почему Хандрей так несчастен. И не волнуйтесь, Жожан. Я не стану говорить с ним об этом. Даю вам слово.
- Спасибо, – кивнул он с явным облегчением. – Иначе нам обоим досталось бы от Андре, уж поверь мне.
- Али в задумчивости кусала губы. Наконец тихо сказала:
- Знаете, мне кажется, что в последнее время Хандрей был намного веселее, чем прежде. Я не ошиблась?
- Перегнувшись через стол, Джозеф-Жан взял ее за руку и легонько пожал.
- Я думаю, ты права. И наверняка ты к этому имела отношение.
- Али просияла.
- Я тоже так думаю! Но для этого пришлось хорошо потрудиться. Когда я впервые увидела Хандрея, он походил на человека, который забыл, что такое жизнь. Теперь он кое-что вспомнил, но не хочет этого признавать, потому что очень упрямый.
- Да, верно, он ужасно упрямый, – согласился Жо-Жан. – И если уж ему что-то западает в голову, то его не так-то просто переубедить.
- Вот этого я и боюсь. – Али тихо вздохнула. – Спасибо вам, Жожан, что вы поняли меня. Я всегда считала, что вы добрый человек. И я абсолютно уверена, что вы тоже любите Хандрея.
- Верно, – кивнул Джозеф-Жан. – Андре мне как брат.

– Вот и хорошо, – сказала Али. – А теперь пойдёмте, Жожан. Нам ещё распрягать лошадей и разбирать покупки.

Обхватив себя за плечи, Али устроилась под скалой. Хандрей не появился к ужину, и это означало, что он по-прежнему был ужасно зол – даже поесть отказался. Ох, как же трудно быть храброй, столкнувшись с упорством. Хаджи, по крайней мере, хоть и бил её, но потом быстро отходил. До следующего раза. А то, что происходило сейчас... О, это очень её пугало.

Луна уже давно появилась на небе, и воздух был почти неподвижен – лишь изредка задувал легкий ветерок. А из палатки Хандрея пробивался свет... Наверное, он сейчас читал. Но теперь ей уже никогда не доведется оказаться рядом с ним. При этой мысли Али всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

– О, Хандрей!.. – воскликнула она, рыдая. – Хандрей, прости меня! Ах, теперь ты будешь ненавидеть меня всегда, до скончания жизни.

– Может, и не всегда. Может, и не до скончания жизни, – раздался вдруг его голос.

Али вздрогнула – и вскинула голову. Стоя прямо перед ней, он внимательно разглядывал её. И лицо у него было вовсе не мрачное. Возможно, он все ещё злился, но уже не так, как несколько часов назад.

– Хандрей, о, Хандрей... Я думала, что ты разорвешь меня на тысячу кусков и бросишь на съедение львам, – прошептала Али. – И я это заслужила, знаю, что заслужила.

Андре криво усмехнулся и проговорил:

– Я ведь уже говорил тебе, что не люблю выбрасывать деньги на ветер.

– Но почему... Почему ты выкупил меня даже после того, как узнал правду?

– А ты как думаешь, Али? – Андре сел рядом с ней и вытер носовым платком ее заплаканное лицо. – А теперь выморкайся.

Она так и сделала. И тут же пробормотала:

– А может, ты выкупил меня из-за того, что однажды уже спас меня и теперь тебе стало жалко своих трудов?

– Пойми, Али, я заплатил твоему дядьке только потому, что это был единственный способ избавиться от него. Он имел полное право забрать тебя с собой. И забрал бы. А потом забил бы до смерти или продал бы. И тогда тебя забил бы кто-нибудь другой. Неужели ты думаешь, что я мог такое допустить?

– Но ведь я – всего лишь девчонка, – прошептала Али, потупившись.

– Теперь уже знаю... – Андре едва заметно улыбнулся. – Но разве ты можешь разочароваться мне только потому, что внезапно превратилась в особу женского пола? Да, подтверждаю, меня это раздосадовало, и это было очень некстати, но... Но ничего страшного. Девочка – так девочка.

– Тогда почему же ты так разгневался на меня?

– Потому что у тебя не хватило доверия ко мне, чтобы рассказать правду. Я был ошеломлен, когда вдруг узнал обо всем посреди базара, на глазах у людской толпы. Причем узнал от твоего родственника, хотя считал, что у тебя родных нет. Ты понимаешь, о чем я?..

– Да. – Али захлопала носом. – Это уязвило вашу гордость.

Андре кивнул.

– Да, пожалуй. И еще я ужасно испугался. Ведь я понятия не имел, что случится дальше и какие еще сюрпризы мне приготовлены.

– Но если бы я сразу же рассказала вам все, вы бы прогнали меня. И что бы тогда со мной стало?..

Тяжко вздохнув, Андре пробормотал:

– Если честно... даже не знаю, как бы я тогда поступил. Да я и сейчас этого не знаю, – добавил он, помолчав.

Сердце Али болезненно сжалось.

– Хандрей, но как же так?! – воскликнула она. – Ведь я принадлежу вам, и вы не можете меня прогнать! Вы заплатили за меня много денег. – Она взглянула на него, чуть прищурившись. – Вы же не надумали перепродать меня еще кому-нибудь?

– Нет, конечно, нет. Хотя нужно было бы – чтобы преподать тебе урок. И знаешь... Вообще-то нам нужно серьезно поговорить. – Устроившись прямо на земле, Андре спросил: – Значит, все то, о чем говорил твой дядя, – это правда?

– Насчет брачного выкупа? Нет, неправда. Я ведь уже рассказывала, как все было. Хаджи собирался продать меня в рабство. Он больше не хотел кормить меня.

– Да, понимаю. Жо-Жан говорил мне о вашей беседе. Но я о другом... О том, как ты оказалась в той деревне. Хаджи называл тебя «неверной», что весьма странно. Ведь ты постоянно упоминаешь Аллаха...

– Я не знаю, почему Хаджи сказал, что я – неверная. Может, просто так, чтобы посильнее оскорбить. Он ненавидит неверных и ненавидит меня. Вот и сказал, понимаете?..

– Может, и так, – пробормотал Андре не очень-то уверенно. – Но он еще сказал, что ты – не турчанка. Хотя, на мой взгляд, у тебя вполне турецкий облик – черные волосы и темные глаза.

– Вы считаете, что я тоже из тех проклятых сирийцев? – забеспокоилась Али. – О, я уверена, что нет! Я никогда не смогу нанести удар в спину. Клянусь, Хандрей!

Андре нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь своего происхождения?

Али со вздохом кивнула.

– Да, это так. Я знаю только одно: я не из этих мест.

Андре взял ее за руку и осмотрел ладонь.

– Как же я не заметил этого раньше?.. – пробормотал он. – Скажи, Али, сколько тебе лет? Одиннадцать? Двенадцать?

– Больше. Но сколько именно, не знаю.

– А сколько лет ты прожила в деревне? – спросил Андре, по-прежнему рассматривая ее руку.

– Я прожила в деревне десять лет, а появилась там уже не таким уж маленьким ребенком, хотя тогда у меня еще не выпали молочные зубы. Но, с другой стороны, все то, что должно было начаться, у меня началось не раньше, чем у тех девчонок, которые вроде бы были моложе меня. – Али вспыхнула, сообразив, что сказала, но Андре остался невозмутимым.

– То есть у тебя уже есть регулы? – спросил он.

– Но Хандрей... – Али замялась. – Я не знаю, можем ли мы обсуждать такие вещи.

– То, что ты раздевала меня догола и делала массаж, – это в порядке вещей, а вот задать тебе вполне логичный вопрос – это неприемлемо? – с усмешкой проговорил Андре.

Али искоса взглянула на него.

– Жожан предупредил, чтобы я не упоминала о том, что видела вас без одежды, потому что вы рассердитесь.

– Правда? – Андре негромко рассмеялся. – Он, наверное, думает, что я очень чувствительный. Но не бойся, меня моя нагота не смущает. Как и обсуждение твоих регул. Итак, они уже начались?

– Да. – Али посмотрела прямо ему в глаза. – В прошлом году.

– Хм... – Андре ненадолго задумался, потом пробормотал: – Очевидно, ты еще не развивалась... в других отношениях.

– Неправда! – возмутилась Али, на миг забыв о том, что ей ужасно не хотелось быть женщиной. – Просто вы не обращали внимания!..

– Приношу свои нижайшие извинения, но тут еще не на что обращать внимание, – отрезал Андре с усмешкой.

Али ударила его по руке и пробурчала:

– Это я пока такая худая. Но вы еще увидите, как однажды я удивлю вас своей великолепной грудью.

– Неужели? – Андре хохотнул. – Ладно, хорошо. Все еще впереди. А пока... Я не думаю, что тебе больше тринадцати. – Он рассеянно подобрал с земли маленький камешек и покрутил его в пальцах. – И это обстоятельство возвращает меня к первоначальному вопросу. Скажи, ты помнишь что-нибудь о том, как появилась в деревне? Тебе был понятен их язык?

– Мне кажется... что да, – в задумчивости пробормотала Али. – Но я не уверена. Ведь это было так давно...

Андре помассировал виски.

– К сожалению, это ничего не объясняет. И я не думаю... Впрочем, не важно.

– Не важно? Но почему, Хандрей? – встревожилась девушка. – Я постараюсь все вспомнить. Обязательно постараюсь.

Он кивнул.

– Да-да, конечно. А ты, случайно, не помнишь, как звали твоего отца?

– Помню. – Али просияла. – Его звали Паппах!

– Папа?... – переспросил Андре. – Но это не имя. Может, ты услышала это слово от кого-нибудь еще – например, от Жо-Жана?

Али решительно покачала головой:

– Нет-нет! Именно это я действительно запомнила. Я... Я тогда все плакала и плакала по нему, но он не приходил... – Али содрогнулась от этих полузабытых воспоминаний о тех кошмарных часах, когда она, совсем еще малышка, сидела одна в пещере, дожидаясь отца.

– Милая, успокойся. – Андре взял ее лицо в ладони и заглянул в глаза. – Прости, мне очень жаль. То были жуткие времена. Ты позволишь мне помочь тебе? Позволь сделать все, что в моих силах, чтобы жизнь твоя стала лучше.

Али всхлипнула, кивнула и, взяв его за руку, прошептала:

– Да, конечно. Спасибо. Спасибо за то, что беспокоитесь обо мне.

– Разумеется, беспокоюсь! – Андре откинул волосы с ее лба. – А теперь... вернемся к нашим делам. Ты говоришь, что называла отца папой. Скажи, что ты можешь о нем вспомнить? Ну, хоть что-нибудь...

Али задумалась. Она могла бы многое представить, но реальный облик отца был словно в тумане...

– Нет. – Она вздохнула. – Очень хотелось бы, но... Я знаю только то, что он любил меня.

– И очень любил, в этом я не сомневаюсь. Жаль, что он не оставил тебе ничего на память о себе, хотя... может, и оставил, но туркоманы наверняка все забрали себе.

– О, нет-нет, – воскликнула Али. – Хандрей, он действительно оставил мне кое-что. У меня есть книга. Ури говорил, что нашел ее в кармане у отца. Это единственная вещь, которую не забрали туркоманы.

Андре схватил ее за плечи.

– Книга? Здесь? С тобой?

Али закивала.

– Да, книга. Я не могу прочитать ее, но никогда с ней не расстаюсь. Она в моем узле. Думаете, вы поймете, что в ней написано?

Андре вскочил на ноги и в волнении проговорил:

– Знаешь, у меня ощущение... что пойму. А если нет – то грош мне цена. Пойдем быстрее и посмотрим, что это за книга.

Достав узелок из своей свернутой постели, Али развязала его, вытащила небольшую книгу в толстом кожаном переплете и протянула ее Андре. Тот поднес книгу поближе к огню и воскликнул:

– О господи! Неудивительно, что Хаджи называл тебя неверной. Он, должно быть, увидел изображение креста на первой странице. Это экземпляр Библии, Али. Что-то вроде христианской версии Корана.

– О!.. – Али робко улыбнулась. «Ведь теперь Аллах очень рассердится, – промелькнуло у нее. – И теперь мне наверняка будет запрещен вход в рай».

Андре перевернул страницу – и в ужасе прошептал:

– Глазам своим не верю... О господи...

Какое-то время Андре сидел совершенно неподвижно, разглядывая книжную страницу. Потом поднял голову, и Али с изумлением увидела слезы в его глазах – такого ей еще не доводилось видеть.

– В чем дело, Хандрей?.. – Она дотронулась до его колена. – Что вы увидели? Пожалуйста, скажите. Может, я неверная из Греции? Ну... это не так уж и плохо. Вам ведь нравятся греки.

Андре покачал головой.

– Нет, дорогая. – Он со вздохом положил Библию на свой матрас. – Нет, Али, ты не гречанка. – Взяв ее за руки, он посмотрел ей в глаза. И смотрел долго-долго. Смотрел и молчал.

Али сглотнула комок, подкативший к горлу.

– Неужели... все так ужасно? – пробормотала она. – Может, вы все-таки скажете мне, кто я такая?

– Тебя зовут Алексис Минерва Лейси, – проговорил Андре внезапно изменившимся голосом. – Тебе шестнадцать лет, и последние двенадцать лет тебя считают пропавшей... и погибшей.

Али в изумлении уставилась на своего хозяина.

– Как? – спросила она шепотом. – Что вы говорите?..

– Ты дочь сэра Фредерика Лейси, который, как полагают, погиб в результате устроенной на него засады возле Миры двенадцать лет назад.

– Нет-нет. – Али помотала головой. – Нет, такого быть не может.

Андре взял ее лицо в ладони и тихо проговорил:

– Слушай меня внимательно, Али. Тебе в это будет трудно поверить и... Черт, мне тоже!

Али смотрела на хозяина во все глаза. Она впервые видела его таким – потрясенного, ошеломленного... и не пытавшегося это скрыть.

– Говорите, Хандрей, – решительно заявила она, отстранившись от него. – Говорите же. Расскажите мне все.

– Да, хорошо, – прохрипел Андре. – Я расскажу тебе все. По крайней мере все, что знаю.

– Только, пожалуйста, ничего не упустите. Ни единой мелочи, – пролепетала Али. А ей почему-то сделалось страшно. Неужели она – какая-то странная Алексис?

Сделав глубокий вдох, Андре заговорил:

– Так вот, двенадцать лет назад сэр Фредерик Лейси работал в отдаленных районах Анталы. Леди Лейси – неустрашимая искательница приключений, а также верная жена – отказалась оставить своего мужа одного, даже после рождения их дочери.

Али внимательно слушала. И ей понравилось то, что Андре говорил про леди Лейси.

– Она была турчанкой? – спросила она.

– Леди Лейси? Нет, Али, англичанкой.

– О!.. – Али издала вздох разочарования.

Андре улыбнулся и вновь заговорил:

– И жили они примерно так же, как мы с Джозеф-Жаном. Зимы проводили в Италии или в Константинополе и путешествовали по Турции летними месяцами. К сожалению, леди Лейси подхватила холеру и умерла в небольшой деревушке рядом с Анатолией, где они устроились на лето.

– От холеры? – эхом откликнулась Али.

– Да, это очень опасная кишечная инфекция. И сэр Фредерик, тяжело переживавший смерть жены, решил сам отвезти дочь назад в Англию. Он заказал поездку на двоих из Миры.

– Моя деревня находится совсем недалеко оттуда, – пробормотала Али. Во рту у нее пересохло, и ей почему-то сделалось очень не по себе.

– Да, правильно, – кивнул Андре. – По твоим словам, ты жила на равнине в районе Дембре, которую сэр Фредерик с дочерью должны были пересечь, чтобы добраться до Миры.

– Куда они так и не добрались? – прошептала Али.

– Вот именно. Конечно, их искали, но так и не обнаружили. В конце концов поиски были прекращены. – Андре помолчал. – И теперь мы совершенно точно знаем, что сэр Фредерик погиб во время этой поездки, а ты... Ты, девочка, выжила.

Али разглядывала свои руки. Ей не хотелось становиться Алексис Минервой Лейси. Ужасно не хотелось! Она хотела оставаться той самой Али, которая любила своего хозяина и преданно служила ему.

– О господи, милая, ты понимаешь, что это означает? – Андре взял ее за руки.

Совершенно подавленная, Али тяжело вздохнула.

– Да, наверное, – пробормотала она. – Это означает, что я – отвратительная англичанка. Что почти так же отвратительно, как быть сирийкой.

Андре громко расхохотался, но Али впервые за все время не обрадовалась его веселью.

Глава 6

– Дорогая, постарайся же... – Андре начал терять терпение. Он старался как можно быстрее научить ее английскому, а она явно отказывалась учиться. – Попытайся еще раз. Это ка-ран-даш. Пожалуйста! Хотя бы постарайся приложить усилие, чтобы произнести слово правильно.

– Зачем? – буркнула Али. – Чтобы ты побыстрее отправил меня в твою ужасную страну?

– Это твое дело – любить ее или не любить. Но если ты думаешь, что своим упрямством сможешь поменять мое решение... В общем – ты лишилась ума.

– Совсем нет! – Али стукнула кулаком по ковру. – Это у тебя ум за разум зашел. Неужели ты не видишь, что я не хочу уезжать отсюда? Почему ты не слушаешь меня?

– Потому что я обязался вернуть тебя в твою семью. Я понимаю, что тебе потребуется время, чтобы привыкнуть ко всему, но по-другому и быть не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.